

Вальдемар Крюгер

ЧИТА — ХАРБИН

*Посвящается памяти
забайкальских казаков,
вынужденных покинуть
Родину.*

ЧАСТЬ 1

Предисловие

В основу книги «Чита-Харбин» положена судьба потомственного забайкальского казака, уроженца Могойтуевской станицы Степана Сергеевича Нижегородцева. Счастливое детство, хаос Гражданской войны, трудные годы эмиграции в Трехречье и Харбине, возвращение на родину — вехи на жизненном пути Степана Нижегородцева, оставшемуся до конца своих дней верным старинной казачьей заповеди «*Душу — Богу, сердце — людям, жизнь — Отечеству, честь — никому*».

Повествование охватывает исторический период со времен завоевания Забайкалья до середины XX века и позволяет ознакомиться с

бытом, укладом жизни забайкальского казачества, связавшего навечно свою судьбу с этим суровым краем, являющимся родиной бурято-монгольского народа, чьи культурные и бытовые традиции нашли отражение на страницах этой книги.

Прототипами многих персонажей послужили реальные люди, имена которых большей частью изменены. Многие события описанные в книге имели место на самом деле и подтверждены архивными документами приведенными в приложении. Тем не менее немалое место занимает художественный вымысел, без которого создание этого произведения было бы практически невозможно.

Легенды мудрого Бурядая

Я слышал однажды в бурятской степи
песню не песню, стихи не стихи.
Тихо качаясь на белом коне,
старый бурят напевал мне:
«Этой земли высока трава,
над этой травой высока синева.
Но ты, мой друг, не забудь одного:
народ — он вечно превыше всего!

**Дондок Улзытуев, перевел с
бурятского Евгений Евтушенко.
1950-е годы.**

У подножия остроконечной сопочки, отороченной кудрявящейся мерлушкой тальника, удивительно напоминающей своей формой бурятскую шапку-малгай¹, на берегу чуть слышно журчащей речушки, белела в ночи юрта, возле которой дымился почти потухший костер. Редкие язычки пламени всплескивались над покрытыми

---

¹ Малгай (бурят.) — головной убор бурят, шапка конической формы, отороченная бархатом или мехом, которая наверху завершается серебряным навершием полусферической формы с красной бусиной (бурят. *дэнзэ*).

серым пеплом, шающими углями, отбрасывая синеватые облики на сидящего у костра старика. Его бронзового цвета лицо оттенялось белыми как первый снег седыми волосами, ниспадающими прядями из-под войлочной шапки-монголки, сливающейся в отблесках костра с силуэтом сопки в единое целое. Под глубокими морщинами на челе старца светились незатухающими углями умные глаза, наблюдающими за вечной, как бескрайняя степь, игрой огня.

Из раздумий Бурядай вырвал прозвучавший за его спиной крик испуганной птицы. Он обернулся, вслушиваясь в тишину потревоженной ночи. Ничего. Поднявшись с насиженного места, неслышно ступая олочами, промазанными на совесть тарбаганьим жиром, он повел плечами. Похолодало, дело идет, пожалуй, к утру. Взгляд привычно коснулся макушки сопки, багровеющей в лунном свете ершистыми кустиками таволожки. Кичиги² -то уж сопку миновали, светать скоро начнет, убедился в своей правоте Бурядай и удивительно легкой походкой прошел в юрту, вернувшись оттуда через минуту, неся в руках крытую синей далембой шубу. Подойдя к костру, укрыл ею заботливо двух, спавших в обнимку

---

² Кичигами в Забайкалье называют созвездие Орион.

мальчиков.

— Растите батыры, — соскользнуло с уст, и довольная улыбка расцветила его лицо.

После этого постоял немного в раздумчивости, не зная, лечь ли ему прикорнуть с часок, или же не стоит. Проспишь еще, заревой сон крепок.

Неизвестно, как выпало бы решение Бурядая, если бы из темноты не вынырнула чертом собака. Подбежав к старику, она лизнула ему руку и потрусила к спящим ребятишкам. Не церемонясь, пес заскочил на шубу, которой Бурядай укрыл детей, и осчастливив лица обоих шершавым языком, улегся рядом. Один из мальчиков проснулся, и проведя рукой по испачканному слюной лицу, подскочив, сел, протирая заспанные глазенки.

— Спи Степа, спи, рано еще, — пробормотал заботливо Бурядай, задержав взгляд на широкоскулом лице постреленка. В деда своего, Марка Нижегородцева, друга моего сердечного, малый пошел. Гуран, вылитый гуран, нашего корню, забайкальского.

Мальчик, ни говоря ни слова, упал ничком на пахнувший конским потом войлочный потник, и натянув до глаз шубу, засопел носом, похоже даже не заметив, как обнял вместо друга, спавшую рядом собаку. Хотя как сказать, тоже ведь друг.

Четвероногий дружище подняв метелку хвоста, махнул ее разок-другой, и зажмурился в сладкой истоме, отдавшись во власть немудреных собачьих снов.

Вот чертушка, покачал головой Бурядай, всю ночь где-то блудил. Хоть бы волков не проспал, третьеводни ³ Намжил, что пасет овец казака Шароглазова из Дуроевской станицы, толковал мне, что следы совсем недалеко отсюда видел. А Намжил врать не будет.

Мысли о волках напомнили Бурядаю в очередной раз о его безвременно погибшем отце пастухе Бадмае.

Шесть лет исполнилось Бурядаю, когда отец, надеясь на благосклонность к нему Бурхана-Будды⁴ отдал его в буддийский монастырь-дацан, как таково требовали местные обычаи — из каждой семьи один мальчик должен был стать учеником-монахом. Не всегда было так в даурских степях.

---

³ Третьеводни — позавчера

⁴ Бурхán — многозначное слово, имеющее хождение в тюркско-монгольской и арабской этимологии. До распространения буддизма Бурхан означал у бурят верховное небесное Божество, позже, Бурхан стал синонимом Будды.

Первые сведения о распространении буддийской религии (*бурханай шажан*) среди бурят относятся к XVI веку и связаны с именем, принявшего буддизм в 1576 году, туметского правителя Алтан-хана, имевшего в своем подданстве некоторые бурятские роды. Шаманизм, определявший до этого времени культуру и образ жизни бурятского народа, продолжал однако долгое время сохранять главенствующие позиции, и лишь после продолжительной борьбы с буддизмом, вынужденным заимствовать некоторые шаманские традиционные позиции и обряды, был вынужден отойти на второй план, непокоренным.

Так, например, популярное божество *Гуджир тэнгри* (*Гуджир-небожитель*) было объявлено тождественным буддийскому божеству *Махакала*, и все признаки и функции прежнего шаманского божества были перенесены на соответствующее божество буддийского пантеона⁵.

Важную роль в распространении буддийской религии сыграли бурятские князья-тайши, покровительствующие приезжим ламам. Так, в начала XVIII века, в бурятские земли прибыли 150

---

⁵ Буддизм и Байкал // Карнышев А. Д. «Байкал таинственный, многоликий и разноязыкий» 3-е изд. (2010) <http://irkipedia.ru>

лам с целью проповеди буддизма.

Другими активными распространителями учения Будды являлись монгольские племена, изъявившие желание принять российское подданство и перекочевавшие в Забайкалье в XVII веке. Одним из выдвинутых ими условий была свобода вероисповедования и отказ российской стороны от принудительного крещения новых верноподданных, какое имело место среди бурятов.

Со временем буряты обзавелись собственными ламами, посылая своих лучших сынов для получения образования в *Курень* (ныне Улан-Батор) и Тибет. К числу первых бурятских лам относится *Дамба-Даржа Заяев*. В 1734 году, отправившись в Тибет, пройдя полный курс духовного обучения, он посвятил семь лет изучению святейших шаштров и религиозные постулатов, после чего вернулся на родину. Число обучающихся быстро росло, так в 1771 в Ургу было отправлено 100 бурятских мальчиков.

Если поначалу царское правительство смотрело сквозь пальцы на распространение, увеличение влияния буддийской религии среди бурят, то в начале XVIII века были предприняты первые попытки ограничения религиозных связей бурят с монголами и тибетцами. После подписания Буринского трактата (1727) пограничные караулы получили предписание, в котором, в частности,

говорилося:

«Лам заграничных, чужих подданных, в улусы к себе ясачным инородцам не пропускать и довольствоваться теми ламами, которые после разграничения с Китаем остались на российской стороне... Если же оставшихся лам на российской стороне не довольно, в таком случае выбирать оных между собой из каждого рода по два мальчика, благоразумных и к науке охотных, хотя и сирот, или кто похочет, дабы верноподданным впредь в чужих ламах не было нужды».

Но на то ведь и издаются указы и предписания, для того чтобы их не выполнять. Или?

По крайней мере пограничная стража была не трусова десятка и продолжала руководствоваться проверенным временем принципом *«указ нам не приказ»*, и приговаривая *«за богом молитва, за казаком служба не пропадет»*, *«чево они нам пушку залиют^б, нам что ни поп, то и батька»*, продолжали трясти, или как говорят забайкальцы *«держат за кiset»* доморощенных контрабандистов, к кою числу кстати относились и некоторые странствующие проповедники буддизма, совмещающие духовную миссию с сугубо земными

---

^б Заливать пушку — лгать, врать три короба

потребностями.

Если уж тысячные стада, несмотря на строжайшие запреты, переходили границу, отмеченную редкими каменными насыпями-пирамидами, то для монгольского или тибетского ламы перебраться на российскую сторону не составляло абсолютно никакого труда.

Кстати, имели место и «несанкционированные» переходы буренок и сивок-бурок. За воровство скота сурово наказывали тех, кто был пойман с поличным. За неоднократный угон скота (чаще воровали у монголов) провинившегося ждало жестокое наказание плетьюми или даже смертная казнь. Наказания должны были больше бояться казаки, нежели буряты и тунгусы. Связано это было с тем, что то, что считалось простительным для кочевника, не видевшего в таком деянии ничего предвзвездительного (у меня еще дед воровал скот), являлось для русского казака непростительным. Как человек «на службе», он был обязан охранять интересы государства и следить за соблюдением закона. Так, к примеру, за троекратный угон скота с монгольской территории русского казака могли приговорить к смерти, а за такой же проступок бурята или тунгуса к ударам

плетью.⁷

Так или иначе буддийские ламы несмотря на ограничения их деятельности царским правительством за довольно короткий срок, в течении одного XVIII столетия, смогли распространить свое влияние среди агинских (забайкальских) бурят.

С 1773 по царскому указу каждому роду забайкальских бурят было разрешено иметь по одному дацану — молельному дому.

Поначалу ламы проповедовали в войлочных дацанах, попросту в юртах. К числу первых войлочных дацанов в Забайкалье относится Цугольский дацан⁸, основанный в 1801 году агинскими родами *галзут*, *харгана* и *хуацай*.

Со временем из юрты вырос целый комплекс капитальных строений. Так в 1827 году было получено разрешение на строительство стационарного дацана — *Цгочен-дуган* (главный

---

⁷ Н.Н. Смирнов «Забайкальское казачество», 2008

⁸ Цугольский дацан «*Даши Чойпэлинг*» (бурят. *Сүүгэлэй дасан*) — буддийский монастырь (дацан), старейший в Забайкальском крае — основан в 1801 году. Расположен в селе Цугол Могойтуйского района Агинского Бурятского округа.

соборный храм) и *Найдан-сумэ* — дуган, посвященный 16 ученикам Будды — архатам. В 1831 году были возведены дуганы-сумэ: *Майдари* — посвященный Будде *Майтрее*, *Гунриг* — Будде *Вайрочене* и *Дэмчог* — *Идаму Чакрасамве*.

В Цугольском дацане впервые на бурятской земле были основаны классические монастырские школы *Цанид* и *Мамба* — буддийской философии и тибетской медицины. В нем же хранился единственный во всей Бурятии экземпляр Атласа тибетской медицины (до 1926 г.).

В последующие годы Цугольский дацан продолжал расти, прирастая новыми храмами — дуганами: 1845, 1864, 1887, 1911, 1913.

Четыре храма Цугольского дацана являлись аймачными (родовыми): *Махгал-сумэ* — рода *галзут*, *Дэмчог* и *Найдан* — рода *харгана*, *Гунриг* — рода *хуацай*.

В таком вот дацане с богатыми традициями, где все поражало сознание приведенного туда бурятского мальчика, от колоссального здания буддийского монастыря и до восьмиметровой статуи *Будды Майтреи* и начал свой долгий путь Бурядай, мечтая стать одним прекрасным днем настоятелем дацана шэрэтэ-ламой или на худой конец, странствующим ламой. Но увы, мечтам его было не суждено сбыться.

Злой Эрлик-хан⁹ отнял у него отца. В ту зиму обнаглели вконец волки, нападая среди бела дня на отары овец и даже табуны лошадей. И чем меньше была отара, тем труднее было ее оборонять от серых татей. А у кого меньше скота — разумеется у бедняка. Вот и получалось, где тонко, там и рвется. Пастух Бадмай относился к их числу. Два тэмээна¹⁰ и восемнадцать баранов — вот и все его достояние, которое он смог нажать за то, что в жару и холод пас многотысячные стада бурятских богачей-найонов и богатых казаков верховых караулов из приононских и верхнеаргунских станиц.

В отличие от русских, селившихся в деревнях и станицах, буряты кочевали круглый год со скотом в степи, возя с собой свой дом — юрту. Верблюды и лошади, коровы и овцы добывали себе пропитание подножным кормом. Летом стада кочевали туда, где сочнее трава, зимой — где меньше снега. На ночь скот загонялся в передвижные загоны-котоны, а то и так, стабунившись в кучу, пережидал длинную зимнюю

---

⁹ Эрлик (-хан), в бурятской мифологии — владыка ада, подземного мира, высший правитель царства мертвых.

¹⁰ Тэмээн (бурят.) — верблюд

ночь, вздрагивая от раздражающего душу волчьего воя.

В ту ночь Бадмай не сомкнул и глаза. Все ближе и ближе раздавалась перекличка волков, пока не стихла, что предвещало пастуху Бадмаю ничего хорошего. Волки подобрались вплотную к хлипкому загону, готовясь устроить кровавое пиршество.

Забив пулю в однозарядный штуцер, и сунув в деревянные ножны, доставшийся в наследство от отца кованый нож, бросил Бадмай прощальный взгляд на жену и детей, и шагнул из юрты, чтобы больше никогда в нее не вернуться. Вдвоем с верной собакой вступил он в неравную схватку с волчьей стаей. Бездушная темень ночи поглотила звук одинокого выстрела, блеянье перепуганных овец и дикий рев заживо сжираемых верблюдов.

Лишь на рассвете решалась жена Бадмая покинуть спасительный кров юрты. Безумный крик огласил белый саван степи. Повсюду валялись растерзанные овцы, задрав кверху длинные ноги лежала полуобглоданная волками ее любимица-верблюдица, и в луже замерзшей крови, раскинув руки, ее храбрый муж Бадмай, с застывшим взглядом в хмурое, опустившееся на землю серое небо. Все, все было потеряно.

К полудню пригнали пастухи-буряты, узнавшие о горе, постигшем семью Бадмая,

найденных ими в степи трех овец и одного пораненного волками верблюда. Ничем другим они помочь обезумевшей от горя вдове не могли. Жизнь кочевников никогда не была медом, а порою, ужасна.

Случившееся с Бадмаем народная молва припасала одноглазым злодеям *анахайм*¹¹, разгуливавшем якобы той зимой по бурятским улусам, затерявшимся в снегах бескрайних даурских степей.

Через две недели траурная весть достигла стен Цугольского дацана. Одним холодным февральским днем, когда беспощадные вьюги метут поземкой по безжизненным степным просторам, срывая и крутя вихрями подтаявший снег, шэрэтэ-лама принес одиннадцатилетнему Бурядаю страшное известие — у тебя не стало отца. Как не жаль было мудрому наставнику отпускать одного из своих самых способных учеников, но как узнал он, что после смерти пастуха Бадмая остались в его бедняцкой юрте сиротами пять девчонок мал мала меньше,

---

¹¹ Анахай — оборотень, бес, в виде крупного пса огненно-рыжей масти с единственным красным глазом во лбу. Согласно преданьям бурят в анахаев превращаются после смерти души насильников и убийц, либо они могут быть созданы темным чародейством колдунов и черных шаманов.

старшенькой исполнилось лишь восемь лет, принял мудрый шэрэтэ-лама единственно правильное решение — благословив, отправить Бурядая к матери домой, в степь. Не смогла бы она одна, без мужчины вытянуть, поставить на ноги пятерых детей.

С того самого дня кончилось детство Бурядая, шагнул он из молельни дацана в полную невзгод и лишений взрослую жизнь. Чтобы хоть как-то свести концы с концами, отдала его мать в пастухи богачу-буряту. В несносную летнюю жару, когда выгоревшая на солнце степь раскаляется так, что невозможно ступить босой ногой, и дикую зимнюю стужу, когда замерзшие на лету птицы падают камнями с неба, пас Бурядай тысячные стада богача-найона, мечтая выбиться в люди, носить не рваный лузан ¹² с чужого плеча, а богатый тырлык ¹³, сверкающий разноцветьем радуги,

---

¹² Лузан — архаичная наплечная одежда, в виде короткой безрукавной рубахи изготовленной из войлока, сукна, холста, надевалась через голову, и при помощи ремня, продетого в оторочку нижнего края, затягивалась «под брюхо».

¹³ Тырлык — бурятская шуба, крытая сверху тканью, расшитая по груди разноцветными полосками.

зьябнуть студеными ночами не у костра из аргала¹⁴, а лежать на искусно вытканых коврах в теплой юрте из белого войлока, варить в котелке не пустую похлебку, заправленную диким луком, а кушать каждый день жирную баранину, запивая ее льющемся рекой кумысом.

Но увы, проходили год за годом, а Бурядай выросший к тому времени в статного юношу, продолжал приумножать богатство найонов, витая в несбыточных мечтах, скача по бескрайней степи, сидя в чужом седле, на чужом скакуне.

Так и остался бы Бурядай презренным сыном пастуха Бадмая, если судьба не свела бы его с Марком Нижегородцевым на военной службе.

Бурятские роды после принятия ими подданства «белому царю» платили исправно подушные подати и поставляли казаков-новобранцев для службы в отдаленных караулах на китайской и монгольской границе.

Казаки из русских готовили своих новобранцев загодя, обучая их по воскресным дням в станичных училищах и на сборах. Буряты, несколько иначе. Родившись в седле, являлись они от природы исключительными наездниками, ну а

---

¹⁴ Аргал — кизяк, сухой скотский помет. В степных районах Забайкалья аргал является основным видом топлива.

шашкой махать, да из ружья палить, урядники научат.

Когда заносчивому бурятскому князьку-тайше пришел приказ выставить новобранцев, первый выбор пал на Бурядая. У него своих баранов нет, вот и пусть служит Саган-хану¹⁵.

Так и стал волей случая несостоявшийся лама, бедняцкий сын Бурядай гордым казаком Забайкальского казачьего войска.

Уже на первом году службы сошелся он с одногодком Марком Нижегородцевым, призванным на царскую службу из Могойтуевской станицы. Марк в отличии от Бурядая происходил из зажиточной казачьей семьи ведущей свою родословную со времен основания Забайкальского казачьего войска. Казалось бы, такие разные, бедняк и богач, бурят и русский, стали Бурядай и Марк друзьями не разлей вода. Времени узнать друг друга было у них более чем достаточно. Целыми днями проводили они в разъездах вдоль монгольской границы, вылавливая время от времени контрабандистов, увешанных жестяными банчками с китайским спиртом-ханшином, и еще реже воров скота. Спирт «выливался», контрабандистов отпускали, а воришек строго

---

¹⁵ Саган-хан — Белый царь.

судили, чтобы другим было неповадно тибрить чужих баранов. Бурядай рассказывал Марку о дацане, лучших годах своей еще такой юной жизни, Марк — о Могойтуе¹⁶, где Нижегородцевы были сила. И было это высказывание нисколь не преувеличено.

Нижегородцевы, с полным на то основанием, могли относиться к числу коренных жителей Могойтуевской станицы, основанной в 1770 году (тогда еще как Могойтуевский караул) по распоряжению Акшинского коменданта Силкина на основании Буринского договора с Китаем, заключенного в 1727 году. Имена первопроходцев-казаков, к каким относились и Нижегородцевы, по праву вошли в богатую событиями историю Забайкальского края, являвшегося с незапамятных времен родиной бурят, тунгусов, орочонов, дауров и людей многих других национальностей.

Из числа русских, бурят и тунгусов формировались и первые смешанные по национальному составу казачьи части, в задачу которых входила охрана границы восточных

---

¹⁶ Не путать с одноименным поселком-станцией Забайкальской железной дороги, расположенном 100 км северней села Могойтуя Акшинского района.

рубежей Российской империи.

Еще в 1685 году родоплеменное объединение тунгусов князя Гантимура, приходившегося родственником китайскому императору, вступило «*под руку Белого Царя* » и, по решению князя, должно было принять православие. Именно князя и мурзы сыграли решающую роль в распространении православия среди коренных народов Сибири, и, в частности, Забайкалья, действуя при этом не из высоких убеждений, а в поисках выгоды, и не в последнюю очередь для самих себя, ставя наипервейшей целью сохранение своих привилегий. Значительная часть «инородцев» была крещена принудительно, но в душе они остались верны исходящему из глубины веков зову предков, и проповедь православного священника никогда не смогла им заменить песнь шамана.

С легкой руки князя Гантимура, которого по праву можно считать одним из основателей Забайкальского казачьего войска, тунгусы и буряты стали привлекаться на военную службу.

Так весной 1760 года в пойме реки Онон собрались «*тунгусы от родов добрых* ¹⁷ » с семьями, имуществом и скотом. Из их числа,

---

¹⁷ В сформировавшийся тунгусский казачий полк вошли роды; *Баягирский, Дулигарский* и часть *Дулигатского* .

по указу императрицы Елизаветы Петровны, был сформирован Тунгусский пятисотенный казачий полк. Работа по формировании полка была возложена на вышеупомянутого предводителя тунгусских родов князя Павла Гантимурова (крещен этим именем в церкви г. Нерчинска в 1685 г.) и секунд-майора Ивана Якобия (сын селенгинского пограничного коменданта В. Якобия). Тунгусов набирали на добровольных началах, исходя из того, что это «люди самые ратные». Для стимулирования записи (перехода) в казачье сословие, добровольцев исключали (освобождали) из ясачных податей, и приводили к присяге по православному обычаю.

Так как далеко не все тунгусы поддались на уговоры священников и были «перетолмачены» в «истинную» веру, некрещенные, принимая присягу, целовали ружье.

После приведения к присяге из «новоприборных» казаков были сформированы подразделения для несения службы на пограничных караулах, в том числе и Могойтуйском. Старшими караулов были назначены откомандированные казаки (22 человека) из Якутского полка, а на местных нерчинских казаков из русских (162 человека) были возложены обязанности писарей и ефрейторов караулов. Вооружение казаков составляли ружья, пики, сабли, у некоторых (из

тунгусов) луки со стрелами.

Тунгусский полк стал одной из основ формирующегося забайкальского казачества. Могойтуйский караул, в числе других сторожевых постов, в середине XVIII века играл роль охранного пункта при расселении русских по пограничным районам в южной части области. Со временем Могойтуйский караул отодвинулся от границы растущей империи и стал станичным селом второго отдела Забайкальского казачьего войска.

Первое письменное упоминание фамилии казаков Нижегородцевых можно найти в архивных документах о селении Царанхон¹⁸, основанного казаками Тунгусского пятисотенного казачьего полка. Первопоселенцами которого, согласно архивным данным, являлись *«из казаков поселенные»*: Яков и Потап Потехины, *Степан Нижегородцев, пятидесятник Ефим Нижегородцев*. Здесь же имеется свидетельство о выделении земельных угодий для казаков

---

¹⁸ Первое упоминание о селе Царанхон (в переводе с монг. Белый лебедь) относится к 1808 г. В 1972 переименовано в Новоказачинск, в настоящее время относится к сельскому поселению «Новокургатайское» Акшинского района Забайкальского края. Расстояние до с. Могойтуй 22 км.

Могойтуевского караула¹⁹.

«Исполняющего должность Верхнеудинского окружного землемера Донесение Июня 25 дня 1873 года № 108 с. Царанхон Господину Забайкальскому областному землемеру. Предписаниями поручено мне ввести во владение землями в количестве 1518 десятин казакам Могойтуевского караула, затем и отрезать 217 десятин во владение оседлых инородцев, проживающих в Царанхонском селении. Исп. Верхнеудинского и Баргузинского окружного землемера Гудков».

В конце XVIII — начале XIX веков в селении Царанхонском ²⁰ проживали: сотник Е. Нижегородцев, казаки С., Н., А. Потехины, из казаков поселенные А. Потехин, А. Бронников, Р. Нижегородцев, инородец А. Сымпилов, ясачный Е. Потехин, староста С. Базаров, переводчик инородец М. Рариндеев, старшина Ванчик, партионный сотник В. Улзуев, крестьяне А. Иванов, Б. Бронников, П. Черемный, Г. Смолин.

---

¹⁹ Земли Могойтуевского караула (позже с. Могойтуй) граничили с угодьями с. Царанхон. Расстояние между селами составляло около двадцати верст.

²⁰ Из материалов Акшинской районной библиотеки «Заметки краеведа — Истоки»

Фамилии Нижегородцевых и Потехиных, упомянутые выше, как и Поповы, относились к старожилам Могойтуя, составляя, если прикрыть один глаз, чуть не половину населения Могойтуйской станицы. С самого начала население станицы, тогда еще Могойтуйского караула было смешанным — буряты и русские жили мирно бок о бок, не ища и не находя поводов для раздоров.

Свое название Могойтуй получил, как и многие другие созданные в те времена поселения, от заимствованных из бурятского языка слов, что было, собственно говоря, и немудрено. Буряты жили здесь, на берегах Онона и Ингоды, еще задолго до прихода русских. Слово «*могой*» в переводе с бурятского означает — «*змея, змеиная падь*», хотя имеется и другое мнение, утверждающее, что название села произошло от «золотое дно». Как это ни странно и то и другое толкование может быть верным. В окрестностях села водилось много змей, и недалеко от него, в долине речки *Кундулун*²¹, имелось месторождение россыпного золота.

---

²¹ Месторождение россыпного золота на р. Кундулун известно с 1883 г., расположено в 15 км южнее пос. Тохтор в Акшинском районе Забайкальского края, до закрытия прииска в 1935 г. добыто 267 кг учтенного золота.

На золото Бурядай в отличии от друга Марка был не падок, считая его исчадием ада, ниспосланного злым Эрлик-ханом на гибель людям. Во время службы произошел один случай, связавший навечно Марка и Бурядая одной веревочкой.

Как и договаривались сослуживцы, после демобилизации поехали они вместе в Могойтуй, где Бурядай решил начать новую жизнь.

— Не дрейфь, первое время у нас будешь жить, батька у меня добрый, — настраивал Марк новосела.

Но Бурядай решил иначе. Буряту жить под деревянной крышей, как вольному соколу в клетке. На волю он хотел, в степь, чтобы ветер гулял в юрте, принося волнующие душу запахи цветущего ургуйа ²² и весенних палов, а не запашок перестоявшего теста и свиного пригона, чтобы перед глазами колыхалась волнистой зыбью, катилась нескончаемыми волнами привольно раскинувшаяся степь, которой нет ни конца и ни края, а не представляла каждый божий день перед глазами одна и та же картина — сбившиеся в кучу разновеликие избы и судачащие бабы в пестрых платках с коромыслами на плечах.

---

²² Ургуй, ургуйка — подснежник

Бытует такое мнение что человек без конца можно смотреть на огонь и текущую воду. Путешественниками уже давно было замечено, что дитя степей, испытывает такие же чувства, глядя на колыбель своих предков, бескрайнюю степь, притягивающую магически его взгляд вечным таинственным движением, одновременно волнующим и убаюкивающим. И Бурядай был одним из них, настоящим сыном бурятского народа.

Как не упрашивал его Марк пожить у него, Бурядай переночевав одну ночь уехал в степь, узнав от семьи оседлых бурят живущих в Могойтуйе, что, по слухам, недалеко от Могойтуйской станицы разбили лагерь соплеменники из рода *харгана*, к которому относился и Бурядай надеявшийся купить у земляков по сходной цене десятков-другой баранов, верблюда и войлок для юрты.

Два дня провел Бурядай в седле, пока наконец увидел с полдюжины белых юрт, раскинувшихся привольно на берегу одного из притоков величавого Онона. Казалось, что стайка белоснежных лебедей вышла попасть на свежую зелень лугов, пестрящих разноцветьем цветов: синих ирисов и ярко-вишневых лилий-саранок, восково-белых ландышей и бордовых колокольчиков. На берегу, утопающего в буйной, курчавящейся зелени тальника, полыхали пламенем кусты цветущих Марьиных кореньев.

Вид юрт всколыхнул душу Бурядая, заставил его сердце забиться в разом ставшей тесной груди трепещущим жаворонком в вышине лазурного неба. Вот она моя родина, здесь хочу я жить!

Привстав в стременах и вглядевшись в полощущееся на ветру полотнище черного вымпела, прикрепленное к шесту рядом с самой большой из лежащих перед ним юрт, Бурядай различил изображение реющего беркута. Теперь у него не оставалось абсолютно никаких сомнений, в том, что перед ним находилось стойбище бурят из рода харгана.

Род Харгана — самый крупный среди субэтнуса хори-бурят²³, к которому относятся одиннадцать родов: галзууд, хуасай, хубдүүд, гушад, шарайд, харгана, худай, бодонгууд, хальбан, сагаангууд и батанай.

В начале XVIII века хори-буряты (хоринцы) приняли подданство Российской империи. Каждый из одиннадцати родов получил при этом знамена от царского правительства с изображениями зверей или птиц, являющихся тотемами родов и надписями (наименованиями родов) на кириллице и старомонгольском языке. Имея одинаковую форму,

---

²³ Хори-буряты (бурят. *Хори буряадууд*) — крупнейший субэтнос бурятского народа (около 400 000 чел.)

флаги отличались по цвету полотнища, его обрамления, включающего три обязательных язычка по наружному краю знамени.

Так, например, у рода *галзууд* (тотем собака) знамя было ярко-красного цвета с золотым обрамлением и красными язычками. У рода *харгана* цвет полотна знамени был черным с золотым обрамлением и синими язычками. Внутри знамени был изображен синий круг, в котором расправил крылья кречет — тотем харганатского рода, наверху написано на кириллице «Харгана», внизу то же на старомонгольском языке.

Каждый род подразделялся на ветви (бурят. *хухууры*). Род *харгана*, вел свою родословную от *Харгана*, являвшегося согласно преданиям шестым сыном знаменитого *Хоридой-мэргэна*²⁴. *Харган* имел десять сыновей, чьи имена дали названия десяти ветвям: *Моотогон*, *Сигуудай*, *Байталай*, *Хушуун*, *Баряхай*, *Батанай*, *Тангад*, *Баатаржаан*, *Хуудай* и *Хухэ*.

Буряты, свято чтящие память своих предков, бережно хранят традиции, гордятся своей родословной. Они, как и монголы, знают ее на память как минимум до восьмого-десятого колена.

---

²⁴ Хоридой-мэргэн, Хори-мерген — в бурятских мифах прародитель хоринских бурят

Для европейца очень сложно разобраться в наименованиях десятков бурятских родов, но каждому буряту, если он услышит, что его земляк относится к роду *баряхай харган*, будет ясно, как божий день, что он имеет дело с хоринцем из рода *харган*, ветви *баряхай*.

Крикнув во все горло «Бургуй!²⁵», Бурядай, потомок славного рода *моотогон харган*, пришпорил верного коня и поскакал к юртам, радуясь предстоящей встрече с земляками.

Ласково приняли Бурядая, радуясь нечаянному гостю. Чуть не целую неделю загостился Бурядай у соплеменников, и виной тому был не кумыс и молочная водка архи. Заприметил он дочку хозяина стойбища богача Доржи, прелестную Сайнжаргал. Красоты неписаной, вскружила она Бурядаю голову, лучистый взгляд ее прекрасных глаз, краше солнца, разжег огонь страстной любви в его сердце.

Сайнжаргал, носительница столь чудесного имени²⁶, поглядывала украдкой со смущением на гостя, и была похоже не прочь заплести свои

---

²⁵ У каждого из хоринских родов был свой клич, у рода харгана «*бургуй*».

²⁶ Сайнжаргал (бурят.) — прекрасное счастье

волосы в две косы и одеть безрукавку²⁷.

Одним вечером молодым людям удалось поговорить наедине, и Сайнжаргал дала обещание Бурядаю, ждать его возвращения.

Окрыленный, и одновременно удрученный, покидал Бурядай стойбище гостеприимного Доржи. Сумею ли я в срок собрать богатый калым? Без него не могло быть и речи о женитьбе.

Одно утешало Бурядая. Гнал он перед собой купленных им у Доржи тридцать овец-монголоков и двух верблюдов, с притороченными на их спинах скатках войлока для их с Сайнжаргал юрты. И то, что она сама, Сайнжаргал, его невеста, катала этот войлок, было Бурядаю вдвойне приятно.

Вернувшись в Могойтуй, Бурядай поведал о своих планах Марку. Тот лишь хмыкнул, загадочно улыбнувшись, переспросил, как зовут отца Сайнжаргал. На том пока разговор и закончился. Бурядай уехал «в степь», забрать мать и младшую из сестренки, живших во время казачьей службы у его старшей сестры. Она, как и три следующие, вышли к тому времени замуж. Купленный им скот Бурядай оставил на время в табуне

---

²⁷ Выходя замуж бурятские женщины заплетали волосы в две косы и носили безрукавку (бурят. *уужа*), являющуюся обязательным элементом костюма замужней женщины.

Нижегородцевых.

День возвращения Бурядая в Могойтуй навечно врезался в его память, став без сомнения лучшим днем всей его жизни. Марк сообщил ему, что пока тот ездил за матерью, он с отцом побывал у Доржи, и все уладил. Жидкие брови Бурядая полезли вверх. Чего, а такого поворота событий он, конечно, не ожидал. Ему было и невдомек, что Нижегородцевы давно имеют с Доржи самые наилучшие дружеские, руку на сердце, по существу говоря, деловые отношения. Пастухи-батраки богача Доржи пасли и скот казаков Нижегородцевых. В один присест сговорились Доржи и сваты, сдвинув предсвадебные обряды в один суглан. И *хуралта*, и *худа оролсохо* и *болзор абаха* ²⁸, состоялись в один и тот же день. Получилось у Бурядая, почти как в русской поговорке «без меня женили», но с наилучшим для обоих молодоженов исходом.

Веселой была свадьба Бурядая, так и не узнавшего, сколько заплатил калыма за невесту его друг Марк Нижегородцев.

Не думал не гадал Бурядай, что вам так,

---

²⁸ Предсвадебные бурятские обряды; *хуралта* — сговор или справка, *худа оролсохо* — сватовство, *болзор абаха* — установление срока свадьбы.

одним днем изменится его жизнь к лучшему. Словно добрая сказка спустилась на землю, сделав в одночасье бедняка преуспевающим хозяином. Засучив рукава принялся Бурядай за работу, чувствуя себя в неоплатном долгу перед Марком. Кое-как уговорил его, что он будет пасти и овец принадлежащих Нижегородцевым, вместе со своими, купленными им у будущего тестя Доржи, обосновав тем, что тридцать овец сторожить в степи, что семьсот, нету разницы, с большой отарой даже проще управиться. В чем, собственно говоря, был Бурядай прав.

Три женщины в юрте Бурядая: мать, жена и сестра тоже не сидели без дела. Стригли шерсть и катали из нее войлок. На что мать Бурядая была большой мастерицей в этом деле, но Сайнжаргал творила проворными руками просто чудеса, выкладывая белой шерстью на черной и звезды, и диковинных птиц, и чаще всего реющего беркута — тотем хоринского рода *харгана* .

Катанный войлок пользовался большим спросом — потник под верховое седло, чепрак для коня, *попона* на спину верблюда, везущего громоздкую поклажу, незаменим он и в зимней юрте кочевника, согревая в лютые морозы.

Сбытом войлока занимался Марк. Так, между делом. Как вернулся он со службы, так пошли у него дела резко в гору. Всему селу на удивление

выстроил Марк на Центральной улице, так назвалась главная улица в поселке, дом под красной железной крышей с изукрашенным резьбой мезонином, смотрящий голубыми окнами с резными ставнями на станичное правление и Михайло-Архангельскую церковь, возле которой располагались два здания станичного училища, возведенные казаками методом народной стройками в 1898 и 1910 годах. В те годы Могойтуйская станица являлась одним из самых крупных поселений Акшинского уезда. По переписи 1897 года в Могойтуйе насчитывалось 229 дворов и жило 1395 человек.

Названия других улиц в Могойтуйе носили в числе прочих названия *Акатуй* и *Америка*. Как видим фантазии могойтуйцам было не занимать. Ну ладно, Акатуй печально прославился до революции своей каторжной тюрьмой, а Америка-то чем? Она до сих пор дурака валяет, ваньку-встаньку уронить пытается.

Или же ларчик открывался проще, и виноват во всем был все тот же Марк Нижегородцев, открывшей в одной половине дома лавку, где в числе прочего можно было заказать отличную американскую жнейку Маккормик. Так и просится на язык *«Купи жнейку Маккормик, получишь серп в придачу!»*.

Марк Нижегородцев человек был серьезный и

такой ерундой конечно не занимался. Кряжистый бородач в черной сатиновой рубашке, темно-синего крепа жилетке, из карманчика которой свешивалась небрежно цепочка серебряных часов Павел Буре, серебряной же серьгой в левом ухе, и в черного сукна шароварах с желтыми лампасами, заправленных с напуском в начищенные до блеска лакированные сапоги, прохаживался он степенной походкой вдоль массивного прилавка, поглядывая снисходительно из-под разлтых бровей на входящих покупателей. Иной раз в лавку заглядывала, заходя с заднего хода его жена, которую Марк уважительно величал не иначе как Никитичной, бывшей под стать супругу, из староверов.

За спиной Марка на сработанных из гладко отесанных кедровых плах полках громоздились, радуя глаз товары. Чего там только не было: рулоны цветастых сатинов и молескинов, какого угодно расцветки русского ситца и синей китайской далембы, горящих жаром кашемиров и ласкающих взгляд шелков, сапоги хромовые и юфтевые, кашемировые шали и пуховые платки, чай зеленый кирпичный и сахар головами, табак маньчжурский и турецкий, блестящие зеркалом самовары и швейные машинки Зингеръ, и на заказ, как уже было сказано выше, привозил Марк из пограничного города Манчжурии и даже самого

Харбина — жнейки Маккормик, веялки и конные грабли. А про потники вот совсем забыли. И их продавал Марк с большей выгодой, не забывая делиться с доходами от их продажи со своим другом Бурядаем.

Знал Бурядай отчего так поперло у Марка, знал и помалкивал. Чего воду недругам Марка на мельницу лить?

А завистников у Марка хватало. Как же без них? Там, где удача, они тут как тут. Судачили за спиной Марка, гадая, сколько у него денег. Задырное²⁹ ремесло у Нижегородцева, но доходное. Деньжат поди накопил, что черт на крышу не забросит.

Бурядаю не было до того никакого дела. Месяцами пропадал он в степи, забывая, да и не желая, навещать в село. Что там делать, сплетни да пересуды одни. И в этом был он прав.

Марк тоже крутился как белка в колесе, лишь изредка, мог он вырваться и заранее радуясь, приехать на день к другу.

Одним знойным летним днем, когда с самого раннего утра стоит невыносимая жара, а палящее солнце, словно раскаленное пушечное ядро,

---

²⁹ Задырное — хлопотное

брошенное рукой *Дайчин-тэнгри* ³⁰, прочертив безоблачное небо, осыпает ржавой помхой ³¹-окалиной высохшую на корню траву, Марк отправился в гости к сердечному другу Бурядаю. Замерло все живое в степи, и сама степь, раскаленная как огромная сковорода, пышет сухим нестерпимым жаром, захватывая дыхание, словно с добела нагретой каменки русской бани, но настоящему гурану Марку Нижегородцеву, была такая несусветная жарница, ничем. Что в седле ехать, что без седла, все равно на коне, ни пеши идти. Подняв голову, он поглядел на скрытое в душном матовом мареве солнце, и улыбнулся во все лицо.

— Печет ноне!

Марк пребывал со вчерашнего дня в превосходном состоянии духа. У была на то причина, и какая! Первенец родился!

Неделей раньше ездил Марк в Читу, вернувшись оттуда в приподнятом настроении,

---

³⁰ *Дайчин тэнгри* — божество войны, покровитель воинов, исключительно популярный образ среди монголов, менее — у бурятов.

³¹ Помха — микроскопический порошок в виде ржавой пыли, ложащейся на траву в сильные засухи.

заключив там крупный контракт с интендантским управлением 2-го отдела на поставку конной амуниции, в том числе и потников под седла. Неказист потник, да дорог. Копеечка к копейке, глядишь и рублишко.

На радостях решил Марк подарить Бурядаю коня. Нет лучшего подарка для бурята или монгола, чем горячий скакун. Сказано-сделано. Рядом с жеребцом Марка, изящно переступая точеными копытами, рысила серая в яблоках, жеребая кобылица. Марк то и дело оглядывался на нее, довольный выбором. Вот обрадуется-то друг!

Еще издали заметил Бурядай подъезжающего Марка. Запасную лошадь с собой взял, зачем это?

— *Мэнде амар нухэр !* — взмахнув рукой, на запястье которой висела искусно плетеная плетка, подарок Бурядая.

— *Сайн байна найон* ³², — отвечал с улыбкой Бурядай, поглядывая на роскошные одеяния Марка.

Марк усмехнулся. Найон, не бровь, а в глаз попал дружище мой, и продолжил разговор на

---

³² *Мэнде амар нухэр !* — здравствуй друг! *Сайн байна найон* — здравствуй (мой) господин. *Сайн байна* — бурятское приветствие, которое в дословном переводе звучит как предложение чая.

бурятском, который был ему знаком с того возраста, когда ходят пешком под стол.

— *Хэр байнат* ³³?

— Спасибо, бог по грехам терпит, — ответил уже по-русски расположенный пошутить Бурядай, поглядев при этом выразительно на серьгу в ухе Марка.

— Да да, — спрыгивая с коня, отвечивал тот, — бог, он все видит, да не скоро скажет, — после чего, ничего уже больше не говоря, подвел кобылицу к коновязи у юрты Бурядая, и со знанием дела привязал уздечку к средней бороздке коновязи-*сэргэ*.

Здесь необходимо небольшое пояснение. Для бурятов столб для коновязи (*сэргэ*) нес в себе особую символику. Таким образом хозяин показывал — это моя земля, это мои владения. В прежние времена *сэргэ* стоял у каждой юрты. Не зря старая бурятская пословица гласит «*пока стоит сэргэ — жива семья*», поэтому никому никогда не могло прийти голову разрушить его. И кроме того, *сэргэ* был не просто коновязь, которой столбили землевладения, что у бурятов при кочевом образе жизни играло второстепенную роль, он являлся олицетворением «Мирового дерева», «Древа

---

³³ *Хэр байнат* ? — Как дела?

Жизни», соединяющего три мира.

Столб-*сэргэ* имел три метки-бороздки. Верхняя бороздка указывала место привязывания скакунов небожителей, населяющих Верхний мир, средняя отводилась для простых смертных, нижняя — для лошадей богов Нижнего мира, откуда уже никому нет возврата.

Кроме того *сэргэ*, в форме каменных или деревянных столбов, устанавливались на *бариса* — местах, где делалось приношение духам-*эжинам*, покровителям того или иного места, будь то огромная гора, или же отдельная скала, относящиеся к Срединному миру (земле), одухотворенному как в целом, так и во всех его составных частях.

Вообще бурятская мифология очень богата на богов и духов, населяющих во множестве Верхний, Срединный и Нижний миры.

Согласно шаманистским представлениям бурятов на небе, в Верхнем мире, обитали божества-небожители — *тэнгри*, разделявшихся на два враждующих между собой лагеря — на «западных» добрых *тэнгри*, приносящих человеку счастье, и на злых, опасных для человека «восточных» *тэнгри*.

Главный *тэнгри*, носящий звучное имя — Вечное Синее Небо (*Хухэ Мунхэ тэнгри*), имеет сына (*Эссэгэ Малаа тэнгри*), являющегося главой

добрых «западных» тэнгриев.

Эссэгэ Малаа тэнгри , величественный старец, который живет в прекрасном дворце и имеет множество слуг. Он добрый старейшина, особо не вмешивающийся в человеческую жизнь, выражающий волю Вечного Неба и определяющий судьбу людей.

«Восточные» тэнгрии, во главе с божеством, носящим имя *Ата Улаан* , жестоки и коварны. Именно они посылают на людей различные бедствия — эпидемии, голод засуху и другие напасти.

Жизнь тэнгриев похожа на жизнь влиятельных людей на земле. Они имеют жен, детей, властвуют над бесчисленными табунами лошадей и стадами скота. Зачастую тэнгрии олицетворяли различные атмосферные явления (*Будургу Сагаан тэнгри* — божество снега, *Хухэрдэй Мэргэн тэнгри* — божество грома и молнии, *Мэндэри тэнгри* — божество града), а также различные проявления человеческой жизни (*Багатур тэнгри* — божество силы, *Ата Улаан тэнгри* — покровитель коней)³⁴.

Любопытно, что *Ата Улан* (огненно-красный

---

³⁴ Михайлов Т.М. Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции. Новосибирск, 1987.

тэнгри), являющийся предводителем недобрых «восточных» тэнгрий, одновременно является и покровителем лошадей, так уважаемых и почитаемых бурятами и монголами. В этом есть какой-то особый, потаенный смысл, отвечающий представлениям о смысле, понимании жизни этих древних народов. Не случайно буддизм, проповедующий ненасилие, терпимость, идею непостоянства и недолговечности всего сущего, нашел в бескрайних степях Монголии и Забайкалья благодатную почву, постепенно вытеснив, точнее говоря слившись с шаманистскими, дуалистическими представлениями бурятов и монголов о окружающем их мире, где злые божества и духи занимают в повседневной жизни такое же важное место, как и их добрые контрагенты.

После той памятной встречи двух друзей, когда Марк подарил лошадь, миновал год, но как много изменилось в жизни Бурядая. Казалось, достиг он почти всего, о чем он мечтал в юношеские годы, снося безропотно голод, холод и другие житейские невзгоды. Мечтал он о хорошей жизни, в тогдашних его представлениях о счастье — чтобы была у него красавица-жена, ел он каждый день жирное баранье мясо, запивая его искрящимся кумысом.

Сбылись его желания, осталось лишь одно невыполненным — иметь наследника. Но перехватил нить его судьбы злой тэнгри *Ата Улан*, навеки разрушив хрупкое счастье Бурядая. Умерла при родах его жена Сайнжаргал, следом, ни прошло и полгода, последовала ей и мать Бурядая. Похоронил их троих, жену, младенца и мать Бурядай на открытом всем ветрам степном кургане. Жившую с ним младшую сестру сосватал парень-бурят из рода *галзууд харгана*. Не век же ей жить с братом, пора вить свое гнездо. В один единственный год остался Бурядай один как перст, как могильный камень на кургане, куда приходил он, глядя безмолвно часами в равнодушное к его страданиям серое небо, в волнующуюся зябь ковыля. Не радовала его взгляд раздольная степь, ставшая ему в одночасье злой мачехой.

Прошли годы, из наивного юноши-пастушка высек ваятель добрый бог Бурхан из бесформенной глыбы гранита непоколебимого, мудрого Бурядая, почтенного, уважаемого всеми седовласого старца, что сидит сейчас у костра, глядя с любовью на двух спящих в обнимку детей, один из которых, Степа, является внуком его верного друга Марка Нижегородцева. Более сорока лет знают они уже друг друга, спаянные навечно нерушимой дружбой, бурят и русский, казак и казак.

Души Бурядай не чаял в этих двух вихрастых пацанах. Второй парнишка, Прошка, был сыном могойтуйского казака Гавриила Рукосуева, которого все звали Гошкой.

Так и есть оно в жизни, коли беден ты — кличут, насмехаясь Гошкой, богат — навеличивают Гавриилом, да еще и по батюшке.

Прошка был на два года старше Степы, и работал у Нижегородцевых подпаском, как когда-то давно начинал свою трудовую биографию и сам Бурядай, чертомеля на ононского скотовода-найона.

Может быть поэтому и был для Бурядая особенно близок этот подросток. Глядя на него, вспоминал он невольно свои молодые годы, когда радовался он каждому куску, доставшемуся от щедрот чванливого найона.

Бурядай, как мог, старался облегчить жизнь казачьего сына, подпaska Прошки, не делая никакой разницы между обоими пацанами — внуком его состоятельного друга и сыном извечного батрака-поденщика. С радостью наблюдал он за ними, направляя умело в нужное русло неумемную детскую энергию.

Рецепт был прост. Все они делали сообща. Пасли втроем овец и лошадей, собирали аргал, варили обед, а по вечерам Бурядай рассказывал мальчишкам бурятские сказки, каких он знал

великое множество.

Так и вчера, рассевшись после ужина кружком у костра, подогнув по-монгольски под себя ноги, ребяташки приготовились слушать. Бурядай, попыхивая трубкой-ганзой, посмотрел в по-южному черное небо и сузив до щелочек глаза с лукавством спросил.

— Ну что батыры, спать?

Разом, как по команде встрепыхнулись воробышками мальчишки.

— Да ты что аба? — ответил за обоих Прошка, — а сказки?

— Ну хорошо. Знаете почему ушкан³⁵ зимой белый, а летом серенький? Нет? Ну слушайте тогда.

Однажды весной, когда солнце стало в обогрев, встретились два друга — снег и заяц. Оба в беленьких шубках, красавцы, жить бы да радоваться. Но не в радость снегу ясное солнышко, с неба, друзьям не разлей вода улыбающееся. Посерел снег под лучами палящими, жалуется зайцу-беляку.

— *Что-то у меня голова заболела.*

— *Наверное, ты таеть, оттого у тебя голова и заболела, — ответил ему заяц. После чего*

---

35 Ушкан — заяц-беляк

закручинился и зайныка, сел на пенек и горько заплакал.

— Жалко, ох как жалко мне тебя, снег. Куда же мне теперь горемыке деваться. Спасал ты меня всю зиму, от лисы хитрой, от волка страшного. От охотника хоронясь я в тебя зарывался, прятался. Как теперь жить без тебя буду? Любая ворона, любая сова меня увидит. Заклюет. Пойду к хозяину леса, попрошу его. Пусть он тебя, снег, сохранит для меня.

А солнце уже высоко ходит, жарко припекает, снег тает. Ручьями бежит с гор.

Затосковал заяц, еще громче заплакал. Услышал зайца хозяин леса, просьбу его выслушал и сказал.

— С солнцем спорить не берусь. Снег сохранить не могу. Шубу твою белую сменю на серенькую, будешь ты летом легко прятаться среди сухих листьев, кустарника и травы. Никто тебя не заметит.

Обрадовался заяц.

С тех пор он всегда меняет зимнюю белую шубу на летнюю — серую.

Притихли дети, размышляют. Первым нарушил молчание Степа, слывший большим почемучкой. Все ему интересно, все надо знать.

— Аба, а почему волк свою шубу не меняет?

Посуровело лицо Бурядая, глубже обозначились морщины, разбежавшиеся лучинками вокруг всегда таких добрых глаз. Вспомнился ему безвременно ушедший из жизни отец Бадмай, загрызенный волками. С тех пор возненавидел Бурядай серых, уничтожал, как только мог. Стрелял из берданки, догоняя на коне ловил арканом, топтал копытами горячего коня.

Степа, насколько хватает, короткого как заячий хвост, детского терпения, ждал, что ответит мудрый аба-дедушка Бурядай. Он все знает, в этом были Степа и Прошка уверены.

— Не от кого им прятаться волкам, разве что от охотника, потому они зимой и летом одним цветом — серые. Расскажу-ка я вам почему волки воют.

Было это в давние времена. Поехал молодец к тестю в гости. За третьим перевалом увидал он семерых стариков. Сидят они чинно у костра, длинными трубками почихивают, ждут, когда мясо сварится.

Подъехал молодец к костру, молчком с коня слез, молчком трубку прикурил, в стремя ногу вставил — собрался дальше ехать. Тогда говорит ему один из стариков:

— Не велика честь молодому батору, который не поздоровавшись со старшими,

прикурил трубку от их огня и зашепшил в путь, забыв нашу поговорку: сваренное откушай, стариков послушай.

Смиренно выслушал молодец старика и говорит:

— Правда ваша — допустил я большую оплошность, но не от гордости и самомнения, а по неопытности своей и беспечности, за что прошу у вас прощения.

Присел юноша к костру, отведал сваренного мяса, выслушал стариковские советы и отправился дальше.

И так легко у него на душе стало, что захотелось песню спеть. Но только затянул он раздольную песню, как подхватили ее и глаза, и уши, и ноздри!

Испугался молодец, примолк и до самого конца пути рта не открывал.

Доехав до юрты своего тестя, молодец молчком переступил порог, молчком напился чаю и — к великому изумлению тестя — молчком отъехал со двора.

Дома вышла его встречать молодая жена. Но ни слова не сказал ей молодец, переменял коня и зарысил в степь — пасти свой табун.

Пасет день, пасет другой, неделю пасет, домой носа не кажет. Пригорюнилась жена. «Что бы это значило? — думает. — Мой муж никогда

молчуном не был, а тут приехал из гостей — не поздоровался, уехал табун пасти — не попрощался и, похоже, не думает домой возвращаться».

Велела она оседлать себе коня и отправилась мужа разыскивать. А как нашла — пенять стала:

— Разве так настоящие мужья поступают? Возвратился из гостей и слова ласкового не промолвил, отправился табун пасти и весточки о себе не подал!

Дольше терпеть у молодца сил не хватило. Открыл он рот и тотчас же заговорил не только языком, но и ноздрями, и глазами, и ушами.

Узнав, в чем дело, жена побранила молодца за скрытность и говорит:

— Завтра на рассвете, когда наш пастушонок нагнется и примется раздувать угли, ты перешагни через него.

Так и сделал молодец. Перекинулась напасть на пастушонка. Бросился тот с перепугу на улицу, перепрыгнул через черного барана. Заблеял баран не своим голосом. Услыхали его семеро волков, пришли и съели, даже шкуры не оставили. Перекинулась напасть на семерых волков. С тех пор они и воют на семь голосов.

Сказка- ложь, да вней намек, добрым молодцам урок. Уставились казачата на абу Бурядя. У него тоже ведь такая же длинная

трубка, как у тех семи дедушек, которые угостили того молодца мясом и надавали ему советов. А мы вот чуть не каждый раз, когда приезжаем в степь, кушаем с абой Бурядаем и баранов, и сусликов, и ничего. Да кого ничего, вкуснятина! Что-то тут не так. Но волки то воют!

В случае чего, через барана прыгать надо, вон их сколько пасется. Сожрут еще одного, невелика беда.

А что, верно ведь рассуждают, казачата-то. Сметливые.

Следующий вопрос любознательного Прошки поставил Бурядая впросак.

— Аба, а почему тебя Бурядаем зовут? Вон сколько других имен имеется. Софрон, Иван или Архип.

— Нет таких имен у бурят. А назвал меня отец мой, который звался Бадмаем, в честь Цаган Бурядая, от которого пошли все буряты. Слушайте вот.

На реке Лене в далекие времена поселился один бурят по имени Бурядай. И звали его Цаган Бурядай, это значит Великий Бурядай, от которого началось племя бурят. У Бурядая было двенадцать сыновей и шестьдесят внуков. Харасын был самым младшим внуком Бурядая от старшего сына Хоридоя. Как младшего внука, его

все баловали, а он никого не признавал и делал что хотел. Бурядай и Хоридой сильно беспокоились за Харасына, так как день ото дня он становился все непослушнее. Когда Харасын подрос и стал совсем большим, племя бурят не знало, что с ним делать, как его укротить. Вот однажды Бурядай сказал:

— На истоке Ангары среди реки лежит большой Шаманский камень. Каждое утро у того камня собираются самые красивые шаманки со всего берега Байкала. Надо отвести Харасына туда, и, может быть, шаманки помогут ему.

Хоридой послушался совета старого и мудрого Бурядая и уговорил Харасына поехать на Байкал, чтобы добыть рыбы. За три дня Хоридой и Харасын доскакали до Байкала и остановились на берегу, напротив Шаманского камня. И вот однажды на рассвете шаманки собрались и начали молиться солнцу.

Среди шаманок была одна молодая. Она выделялась своей красотой и стройностью. Увидев на берегу молодого парня, эта шаманка больше смотрела на него, чем на солнце. Харасын заметил это и, недолго думая, вскочил на коня и вплавь кинулся к камню.

Шаманок как ветром сдуло с камня, а та, молодая, — осталась. Он подъехал к ней, посадил ее на коня и привез к отцу. Вскоре они вернулись домой.

В улусах Бурядая все начали смеяться над Харасыном, что, дескать, никто не мог укротить его, а вот шаманка одна сделала мужчину теленком. Гордый Харасын сказал своим, что это не простая шаманка, а цаган шаманка, то есть великая шаманка. Никто тому не поверил, и люди продолжали над ним смеяться. Видя такое горе своего мужа, великая шаманка сказала ему:

— Здесь нам не будет житья, уйдем отсюда туда, где нет людей. Там мы заживем спокойно. Харасын в ту же ночь вышел с великой шаманкой на берег Лены, связал два бревна, и поплыли они по реке. Дорогой они добывали себе пищу, били зверей, птиц, ловили рыбу. Плыли они много дней и вот увидели перед собой самый красивый берег Лены. Тут они остановились, построили себе юрту и занялись охотой.

Однажды Харасын пришел в юрту с пустыми руками и сказал великой шаманке:

— Одной охотой здесь не проживем, я даже мышки не встретил. Харасын и великая шаманка решили заняться скотом. Жить им стало легче, у них пошли дети. Харасын научил своих сыновей охотиться, приучил их к скоту, и начали они заниматься большим хозяйством. Сыновья подросли. В одном доме стало тесно. Харасын начал отделять своих сыновей и поселять их недалеко от Лены. Там, где поселялись сыновья

Харасына, то место прозвалось Якутским, а по имени сыновей их потомки стали называть свои роды.

Внук Харасына Бэртахара удался в дедушку, он был сначала неуживчивым, но отличался огромной силой, и его боялись все потомки Харасына. Этот Бэртахара был отделен от всех якутов, и его поселили на самом севере, у устья Лены. Тут от Бэртахара народилось много поколений, и все они разбрелись по самым дальним углам страны. Вот так-то от Харасына пошел якутский народ, а от него — другие племена появились³⁶.

— Хорошее имя у тебя аба Бурядай. Можно и меня будут так звать, — спросил Степа.

— А зачем тебе? Тебя вот в честь твоего прадеда назвали Степаном. Подрастешь, поймешь, что к чему. А теперь давайте-ка спать, утра вечера мудренее, завтра с утра юрту разбирать будем, дальше кочевать будем.

— Сыграй нам еще на хууре аба.

— Ладно, ладно, уговорили.

---

³⁶ Записано со слов Родиона Павловича Спиридонова, 59 лет, быв. счетовода пристани Осетрово Усть-Кутского района Иркутской области, в 1937 г. / Легенды Байкала. irkipedia.ru

Хотя сказал он это так. После смерти жены и матери пристрастился Бурядай к игре на хууре и пению бурятских песен. Часами мог он наигрывать по памяти знакомые ему с детства мелодии и песни, которые, то чуть слышно струились нежным ручейком, то взлетали до небес вольным кречетом, символом рода харгана.

Не мешкая Бурядай сходил в юрту, прихватив с собой оттуда и потник-двоесгибник³⁷.

— Ложитесь на него, а то от земли тянет.

Плюхнувшись на животы, мальчишки приготовились слушать, ничуть не замечая густого запаха лошадиного пота, исходящего от потника.

Бурядай примерившись, взял первый аккорд, и зажмурив глаза начал играть. Чарующие душу звуки хуура потекли над засыпающей степью, как и тысячу лет тому назад.

В древности хуур , точнее говоря *морин хуур* являлся обязательным атрибутом в юртах кочевников. По преданию, был свой *морин-хуур* и у Чингисхана.

Морин хуур (буквально «инструмент с лошадиной головой») — двухструнный смычковый музыкальный инструмент монгольского

---

³⁷ Потник-двоесгибник — сложенный вдвое войлок-

происхождения, имеющий распространение в Монголии, в Бурятии, Туве, и Забайкальском крае.

По мнению некоторых исследователей *морин хуур* является «прадедом» современных европейских смычковых инструментов, появившихся в Европе лишь в позднем средневековье. В Европу *морин хуур* первым привез Марко Поло, получив его в подарок в 1275 во время посещения *Шанду* — «летней столицы» династии *Юань*.

Китайцы же, как известно народ с долгой памятью, считают, что все их смычковые инструменты пришли от кочевников. Смычковые инструменты в целом очень поздно вошли в быт оседлых народов, и поскольку использование конского волоса (как и шкуры) предполагало, что иметь такой инструмент мог позволить себе только тот, у кого была лошадь, что, опять-таки, в пору средневековья было возможно лишь у кочевых народов.

Точная дата создания *морин хуура* неизвестна. По некоторым оценкам две-три тысячи лет назад. С традиционной головкой грифа в виде вырезанной из дерева головы лошади он появился около тысячи лет назад.

Первоначально четырехугольный трапециевидный корпус инструмента был обтянут сверху и снизу кожей лошади (или верблюда), а

фигурные резонаторные отверстия находились по бокам. Считается, что такой вид обработки резонаторного ящика лучше сочетается по звучанию с горловым пением, исполнением протяжных песен, героико-эпических поэм, так характерных для монгольского и бурятского эпоса.

Две струны из конского волоса, символизировали мужское и женское начало. «Мужская», изготавливалась из 130 волосков из хвоста жеребца и «женская» из 105 волосков из хвоста кобылы.

Хотя в некоторых других источниках имеются данные, что общее количество волосков от скакунов и кобылиц должно было равняться триста шестидесяти пяти, что соответствовало длине календарного года, что опять же опровергается тем, что некоторые мастера использовали при изготовлении струн лишь конский волос от белых жеребцов.

Игра на *морин хууре* требует от играющего недюжинного умения и точности, так как инструмент не имеет никаких отметок, показывающих, где брать, какие ноты. Деревянный дугообразный смычок держат в правой руке, при этом свободно висящий пучок конского волоса на смычке зажимается ладонью, что позволяет регулировать силу его натяжения во время игры и, таким образом, варьировать тембр инструмента.

Так как лошадь считается у монголоязычных народов священным животным, то *морин хуур* создавался, чтобы воздать хвалу отношениям человека и лошади и подчеркнуть единство их духа. Поэтому звук инструмента сравнивается с лошадиным ржанием или с дуновением вольного, не знающего границ ветра в степи.

Имеется несколько легенд о происхождении овечьяного мифами *морин хуура* , одного из символов монгольского культурного единства, получившего в 2005 году по решению ЮНЕСКО сертификат об утверждении монгольского национального инструмента *морин хуур* в качестве сокровищницы культурного наследия человечества.

Одна из них приписывает изобретение *морин хуура* мальчику по имени *Сухэ* . После того, как злой хан подло убил любимую белую лошадь *Сухэ* , доставшуюся ему в качестве приза, дух лошади явился к мальчику во сне, и велел ему сделать из ее тела музыкальный инструмент, чтобы *Сухэ* и его любимица смогли снова соединиться. Мальчик выполнил это пожелание, создав из останков любимого коня первый *морин хуур* . С тех пор эти двое больше никогда не разлучались и не были одиноки.

Другая легенда гласит, что некий пастух по имени *Намджил* , живший в восточной Монголии, перебрался в западную ее часть в связи с призывом

на военную службу. Его голос был таким звонким и так проникал в душу, что местные жители любили слушать его пение и прозвали его *Намджил-кукушка*.

Намджил влюбился в красавицу-принцессу и по окончании службы получил от нее в подарок летающего коня, дабы встречаться с ней по ночам. Вернувшись после окончания службы к родителям, он три года летал к принцессе, чтобы повидаться с возлюбленной.

В то время по соседству жила одна ревнивая женщина, которая могла разлучать пары и легко заставить людей поссориться. Она заметила необычные свойства коня *Намджила* и захотела причинить вред юноше.

Ревнивица обрезала скакуну крылья, и он умер. Горюющий пастух смастерил себе скрипку из останков мертвого друга, чтобы играть трогательные песни о своем коне.

С тех давних пор и звучит *морин хуур* над бескрайними просторами монгольских и бурятских степей, полон тоски и вольнолюбия.

Когда прозвучал прощальный аккорд и Бурядай отложил хуур в сторону, дети, дружно посапывая носами, уже крепко спали, прижавшись тесно друг к другу как родные братья.

Степе снился аба Бурядай. Он сидел на камне,

рядом с прелестной шаманкой по имени Сайнжаргал и играл ей на хууре, не спуская с нее глаз. Смычок плавно скользил по струнам и божественные по красоте звуки, струились, мешаясь с животворной водой аршана, забившего из-под камня на котором сидели влюбленные — оставшаяся вечно молодой Сайнжаргал и ее верный Бурядай, почтенный седобородый старец.

Проснувшись, Степа попытался вспомнить такой прекрасный, похожий на легенду сон, чтобы поведать его абе Бурядаю, но увы, он исчез с первыми лучами утреннего солнца, испарившись росой с божественного цветка, растворившись в напоенном ароматами трав воздухе.

С раннего утра Бурядай и его помощники принялись разбирать юрту, собираясь переезжать на новое пастбище. Каждый раз, когда дети заходили в юрту, их взгляд притягивали магически две вещи — скульптура вечного Будды и лежащий у ее ног кавказский кинжал в ножнах. Проникающий взгляд и магическое спокойствие, исходящее от Бурхана-Будды, и тусклый блеск изукрашенных серебряной чеканкой ножен и холодная гладь костяной ручки кинжала, казались им пришельцами из неведомого им мира, из далекой страны за семью горами. И сегодня, войдя, они остановились как вкопанные, не спуская глаз.

— Аба, — в который уже раз задал один и тот

же вопрос Степа, — а тебе не страшно было, когда ты с хунхузом дрался? Вон у него ножик какой большой был.

— Нет, нет. Казак никого не боится. Вот вы вырастите с Прошей, тоже казаками будете.

Прошка надул важно щеки.

— А мы уже казаки!

— Ладно ладно казаки-разбойники, давайте юрту разбирать будем.

Солнце не взобралось еще горб тэмээна³⁸, как юрта перекочевала со всем ее содержимым к ключу, бившему из-под поросшего мхом камня. Степа остановился. Что-то напоминал ему этот камень, но что, он так и не смог вспомнить.

— Аба, а ключ уже давно здесь бьет? — спросил он.

— Аршан-то. Да сколь я себя помню. А чего спросил то?

— Да так.

На том этот разговор и закончился.

Аршан, в переводе с бурятского языка означает «целебный источник» и ведет свою родословную от санскритского «*рашиани*» — нектар, напиток богов. В исконном смысле, аршан это минеральный или теплый источник, имеющий

---

38 Еще до полудня

целебное значение. Позже стали так называть и другие ключи с холодной, чистой водой, приписывая им целительные свойства.

Такое отношение к источникам живительной влаги имеет распространение в Забайкалье, Монголии, Китае, Алтае и Восточной Сибири.

Местоположение *аршана*, выхода целебных вод на поверхность, нетрудно определить по местам жертвоприношений «*обо*», представляющих из себя стволы деревьев с привязанными на них разноцветными ленточками. Чем больше ленточек развеивается на ветру, тем больше людей нашли исцеление, испив «напиток богов».

Обыкновенно ленточки привязываются дважды: по случаю приезда — с просьбой дать здоровье, освободиться от недуга, и при отъезде — в знак благодарности, исцеления от хвори.

Кроме того, имеет место угощение хозяина *аршана*, *эжина*, алкогольсодержащими напитками, как это делает сейчас Бурядай, плеснув из стаканчика бурятской водки-*тарасун* и выпив оставшуюся за удачу на новом месте, чтобы скот не болел, да и себе чуток здоровья не помешает.

Степа и Прошка пили ломящую зубы воду из аршана. Молоды еще для тарасуна.

Дни проведенные Прошкой и Степой с абой Бурядаем были наполнены с раннего утра до

позднего вечера самыми разнообразными, казалось бы, обыкновенными, но одновременно и такими завлекательными приключениями. Вот что кажется может быть интересного в пастьбе вечно бякающих бестолковых овец? Бегут они наперегонки, срывая самые лакомые травинки, куда одна, туда же и другие.

Ан нет, вот уже манит к себе, машет рукой аба Бурядай, опять увидел, нашел что-то интересное. Слома голову летят наперегонки сорванцы, прищпоривая голыми пятками коней. Вот тебе уже и первое состязание. Кто первым доскачет до абы Бурядая, выиграв скачку.

Прошка, обличьем русский, глаз узкий да нос плюсский, был постарше, но Степа, вылитый гуран, был более ловким наездником. Глянет кто непосвященный со стороны, скажет — во как мальчонка-бурят скачет, молодцом! Бурят он в седле родится, завсегда на скачках русского обгонит.

Подскачут пацаны, соскользнут вьюнами с потного лошадиного крупа, без седел ведь ездят, и бегом к Бурядаю, что, что, он нам на этот раз покажет и растолкует.

Для бурята забайкальская степь — родной дом с кладовой, полной-полнехонькой добра разного. Знай только время и место, будешь сыт, обут и одет.

На этот раз наткнулся Бурядай на целую плантацию дикого лука-мангира, знакомого каждому жителю Забайкалья с раннего детства. Его значение для коренных жителей даурских степей сравнимо с ролью черемши для истинного сибиряка-чалдона, не представляющего себе жизни без этого резко пахнущего деликатеса.

Лук-мангир, в отличие от черемши, не засаливают, заготавливая впрок, а употребляют преимущественно в свежем виде, используя в пищу плоские мясистые листья и молодые луковички. Второе отличие мангира — он отрастает в течении всего лета, но лучший вкус имеет все же ранней весной. Позднее листья становятся жесткими, а луковички приобретают горький вкус, но в высушенном виде они теряют излишнюю терпкость и обогащают в зимнее время скудный рацион кочевников на продукты растительного происхождения. Мангир, парень хоть куда — хоть похлебку заправить, хоть в колбасу добавить, вкуснятина!

Именно этим, заготовкой зимних запасов лука-мангира и решил занять Бурядай подъехавших мальчишек. Вручив им по заостренной палке-копалке, принялся Бурядай без лишних разговоров выкапывать луковички мангира. Как раз копнул, две-три сросшихся в кучу луковички есть. Что невелики, то не беда, вкус запашистее будет.

Не мешкая дети принялись за работу. Крестьянские ребяташки с малых лет приучались к труду. На первом месте стояло не удовольствие, праздное времяпрепровождение, а привитие навыков добытчика, будущего кормильца семьи, что всячески поощрялось родителями. Детские забавы должны были приносить пользу, чему-либо учить, готовя исподволь к предстоящей взрослой жизни.

Такое отношение, понимание воспитания подрастающего поколения сохранялось во многих семьях сибирских и забайкальских крестьян и в годы Советской власти, когда слово «крестьянин» стало к великому сожалению, поводом для насмешек, анахронизмом обесчещенного, оказавшегося вдруг ненужным прошлого, без которого невозможно будущее.

Бурядай относился к людям старой закалки, познавшим лихо не понаслышке. Будучи хорошим наставником, он не читал моральные проповеди, а показывая на личном примере, увлекал за собой мальчишек.

Выкопанные луковицы складывали в одну кучку. Всякую работу сообща делать легче.

— Аба! — раздался звонкий голос Степы, — а ботву куда, выкидывать?

— Зеленую собирайте, вечером на тарбаганов охотиться пойдем. Авось пригодится.

Как услышали сорванцы о предстоящей охоте, замелькали еще быстрее их загорелые ручонки. Здорово! На охоту!

Бурядай лишь усмехнулся в редкие усики. Вишь как стараются, роют как тарбаганы.

Тарбаган, как и дикий лук-мангир, относится к неотъемлемым атрибутам даурской степи, и пока троица занята приготовлением зимних запасов мангира, о нем, диком сурке Забайкалья, стоит рассказать особо. Двоюродный брат альпийского сурка, тарбаган, он же забайкальский или сибирский сурок распространен по всей степной зоне Забайкалья, в Туве, на севере Монголии и Северо-Восточном Китае (Маньчжурии).

Для коренных жителей забайкальских степей тарбаганы издревле являлись предметом промысловой охоты, снабжая питательным мясом и жиром. Оно и не удивительно. Длина тарбаганов достигает 60 см при весе до 8 кг. Далеко не все кочевники являлись обладателями тысячных табунов овец, так что добытые тарбаганы являлись для них хорошим подспорьем, особенно в летние месяцы, когда хранение мяса особенно затруднительно. Люди отважившиеся отведать тарбаганины, уверяют, что она напоминает мясо поросят, но имеет землистый привкус. Почему отважившиеся? Тарбаган, как и другие виды сурков является носителем возбудителя чумы. В былые

годы потребление мяса тарбагана вызывало эпидемии, выкашившие целые роды.

Более всего ценился тарбаганий жир, имевший широкое распространение в народной медицине при всякого рода простудных заболеваниях и ревматизме. С одного тарбагана, добытого осенью, перед тем как он залегает в зимнюю спячку, можно было собрать до пяти фунтов чистого жира. Именно осенью и был главный охотничий сезон. Тарбаганы безжалостно отстреливались, их выкуривали, выкапывали из нор, уходящих до двух метров вглубь земли. Нередко количество добытых зверей исчислялось сотнями. Шесть-десять добытых зверьков давали пуд жира, цена которого колебалась в зависимости от спроса и предложения, доходя до шести — восьми рублей за пуд. В то время цена коровы составляла около тридцати рублей, так что понятно, почему приходилось тарбаганам расстаться со своими шкурками, из которых шили зимнюю одежду для простолюдинов: штаны, рукавицы, шапки и шубы (*ергачи*). Тарбаганьим жиром мазали сапоги и другие изделия из кожи, сберегая их таким образом от вредного воздействия влаги. Кроме того, тарбаганий жир, как кстати и медвежий, имеет одно очень важное свойство — не замерзает даже в самые сильные морозы. Может быть этим и объясняется, почему мишке и

«тарбагашке» не холодно спать. По крайней мере степные туземцы и охотники-орочоны из глухой сибирской тайги утверждали, что в тот год, когда летом первые из них много ели мяса жирных тарбаганов, а последние — медвежатины, то зимою, в самую стужу, они не колели³⁹; если же ели мало или совсем не ели, то зимою холод для них был весьма ощутителен⁴⁰.

Так что была неудивительной присказка Бурядая *«кушай больше тарбаганины, зимой мерзнуть не будешь!»*

Тарбаганы живут колониями и очень любят ходить друг к другу в гости. От природы они неуклюжи, и поэтому всегда начеку. Вылезет такой бравый молодец из норы, станет столбиком, осмотрится, все ли в порядке. Да вон, однако сват из норы вылез, пойду проведаю. Захваченному врасплох во время беседы «со сватом» тарбагану приходится спасаться бегством. Родственники к себе в нору не пускают. Запусти, потом не выживешь, а то еще и на сватью глаз положит. Своих бы кровных на ноги поднять, чтобы лисица

---

³⁹ Колеть — мерзнуть

⁴⁰ Александр Черкасов, *«Из записок сибирского охотника»*

или волк не сожрал.

А врагов у тарбагана много. И хищные звери, и птицы, и ненастье. Остерегаясь наводнения, тарбаганы устраивают себе норы на возвышенных местах. И если все же во время сильного ливня нору начнет подтоплять, тарбаган спасает свое подземное жилище, всеми имеющимися средствами, буквально, не щадя живота своего, затыкая вход объемистым седалищем или даже ложась на лаз снаружи. Была не была, бог не выдаст, волк не съест. Волки, лисицы или вот к примеру ушлый пес Бурядая рыскают в такую погоду, когда добрый хозяин собаку на улицу не выгонит, в надежде поймать тарбагана на подтопленной норе. Убежать он сможет, волк или собака в два счета его прижучит.

А пес у Бурядая был пройдоха еще тот. Не родился еще тот человек, который его обдурит. А про баранов и говорить нечего.

Без него, имеется ввиду барбоски, был Бурядай как без рук. Баран животное упрямое, куда один ломанулся, хоть даже и в речку, туда и все. Нох-нох, так звали любимца Бурядая знал свое дело на отлично. Пастухи приучали собак с малого возраста к их роли защитника отары, выращивая среди овец. Те привыкали к запаху собаки, щенки — к невыделанной овчине. Вырастая собаки становились поводырями и заступниками, не

щадящих жизни ради бякающих сестер и братьев. Так как кушать родственников не позволяло соответствующее рангу воспитание, а есть все же хотелось, Нох-нох был вынужден искать пропитание, став по совместительству охотничьей собакой.

Некоторых пойманных тарбаганов он съедал сам, другими, когда был сыт, делился с хозяином. Принесет, положит возле юрты, бери, кушай дорогой, для друга ничего не жалко.

Заметив недюжинные способности четвероного друга, стал Бурядай брать его с собой на охоту, ловить подранков. Роль собаки на охоте на тарбаганов незаменима. Тарбагану, что волк, что собака, одна редька. Завидя четвероногих недоброжелателей, он сидит возле входа в нору и свистит, предупреждая «сватов» о грозящей опасности, зная, что он всегда успеет юркнуть в нору, оставив волка или собаку с носом. Если же охотник едет один, без собаки, он не ждет, пока грохнет выстрел, и будет уже поздно спасать продырявленную шкуру. Такое поведение типично и для других промысловых зверей, избегающих встреч с человеком с ружьем.

И ведь чувствуют же бестии, хоть ворона, хоть тот же тарбаган, когда им грозит опасность. Будет ехать путник без ружья, тарбаган и ухом не

поведет, будет лежать на бутане ⁴¹ в десятке саженой от проезжающей повозки. Хитрец!

Ближе к вечеру, после того как спала самая жара, Бурядай и два даурских орленка, выехали на охоту. Раскаленная за день степь млела под лучами катящегося к западу огромным тележным колесом солнца. В обжигающем воздухе витали щекочущие ноздри пряные запахи дикого клевера, донника и шалфея. Вдали, за Ононом, виднелись, маня к себе желанной прохладой, затянутые сиреневым маревом отроги Могойтуйского хребта. Выгоревшая на солнце трава пятнела белесыми плешинами солончаков и лишь только один ковыль, казалось, радовался несносной жаре, горя на солнце золотистыми метелками среди высушенного суховеями разнотравья.

Бурядай, покачиваясь в седле в такт шагам лошади, напоминал китайского болванчика, и казалось ничто не сможет его вывести из состояния душевного равновесия. Но вот раздался тревожный посвист тарбагана, и его словно подменили. Ожил курилка, задымилась торчащая во рту неизменная трубка-ганза, расправились морщины на широком бронзовом лбу, зоркий взгляд из-под полуопущенных век ощупал степь. А вот он

---

⁴¹ Бутан — бугорок вырытой земли над тарбаганьей норой.

шалунишка-тарбаган, а вон еще один, и еще. Засуетились и могойтуйские пацаны, заерзали тощие задницы на широких лошадиных спинах. Одно дело видеть тарбагана проезжая ходом мимо, совсем другое на охоте.

Четвертый участник представления, пес Нох-нох, не одного тарбагана съел и знал, что от него требуется. Когда засвистел тарбаган, заметивший первым грозящую сородичам опасность, пес не сорвался с места и не побежал дуриком к нарушителю благоговейной степной тишины. Совсем наоборот, он сел и уставился умными глазами на хозяина. Ну, что скажешь старина, начнем?

Почти неуловимый жест Бурядая и его верный друг Нох-нох в мгновение ока преобразился. Его час пробил, спектакль *«Нох-нох и тарбаган»*, в котором ему предстояло сыграть главную роль начался.

Бурядай и его юные спутники спешили. Им предстояла для начала роль зрителей, как, впрочем, и самому виновнику торжества — тарбагану. Оставив двух лошадей, на которых приехали сорванцы на месте, Бурядай, держа наизготовку бердану, в сопровождении обоих мальчишек, прясась за ведомого в поводу коня Бурядая, двинулись маленькими шажками к колонии тарбаганов. Садящееся солнце озолотило

уморенную зноем степь, отбрасывая тени от взобравшихся на бутаны, стоящих столбиками тарбаганов. Зверьки пересвистывались, и явно не торопились прятаться в норы. Следующее, что увидели Степа и Прошка поразило и рассмешило их.

Нох-нох не бросился к тарбаганам, а начал бегать, выписывая казалось беспорядочные круги и замысловатые пируэты, то и дело падая на спину, катаясь по земле, ползая, и даже дрыгать лапами. Прошка и Степа прыскали от смеха, глядя на проделки четвероного проказника. Потешно-то как!

То-же самое, наверное, испытывали и тарбаганы, приставая на задних лапках и вытягиваясь в струнку, наблюдали они с интересом за актером, не замечая, как лошадь, со спрятавшимися за ней людьми, подбиралась к ним все ближе и ближе. Один из тарбаганов «с галерки», гонимый непреодолимым любопытством, даже перебрался поближе, что не ускользнуло от внимательного взора Бурядая. Срежу его вторым выстрелом.

Нашарив патрон в сшитом из сыромяти подсумке, Бурядай, лязгнув затвором загнал патрон в ствол берданы и осторожно выглянул из-за крупы лошади. Конь Бурядая, привычный к грохоту стрельбы, даже присел, когда бердана опустилась на седло и замер в ожидании выстрела. Лучших

сошек для упора было и не сыскать. Три пары настороженных глаз следили за ближайшим из тарбаганов, в то время как Нох-нох, упиваясь своей ролью продолжал театральное представление. Бурядай, зажав в руке второй патрон, поведя стволом, поймал тарбагана на мушку и немедля ни секунды, выстрелил. Тарбагана буквально снесло с бутана.

— Попал! — закричали разом мальчишки, Бурядай же, не мешкая перезаряжал винтовку, надеясь сбить и зрителя с «галерки». Забавно вихляя толстым задом, он бежал к спасительному убежищу, когда остальные тарбаганы, уже попрятались по норам.

Нох-нох сорвавшись с места, подбежал к убитому тарбагану и обнюхал его. В это же время прозвучал следующий выстрел, достигший цели. Бежавший тарбаган, споткнувшись, перекульнулся через голову, и поднявшись, судорожно передвигая коротенькими ножками, из последних сил поспешил к норе.

— Нох-нох! — закричал Бурядай, и собака бросилась стремглав наперерез раненому тарбагану. Но увы. Тарбаган успел свалиться мешком в лаз, и главному актеру достался в качестве трофея лишь жалкий пучок шерсти, вырванный из подштанников зрителя с галерки.

Неистово лая, Нох-нох возмущался

неблагодарностью. Надо же так, смотреть-смотрел, а как что, сразу в нору.

Но Бурядай было так просто тарбагану не провести. Подбежав к норе, он засунул в нее крепкую палку, с прикрепленным на конце заостренным крючком. Еще дорогой, спрашивали его Прошка со Степой, зачем тебе аба эта палка. Спину царапать, смеялся, отвечая Бурядай.

Пошарив в норе, Бурядай наткнулся на что-то мягкое. Ага, попался голубчик!

Возбужденно галдя и лая, четверка охотников о десяти ногах, толпилась возле лаза в нору, из которой торчала палка, зацепившаяся крючком за тарбагана. Бурядай, присев на кукорки, потащил осмотрительно наружу. Вот уже показались из глубины измочаленные подштанники тарбагана, пострадавшие при оплате за представление. Чем ближе был зверек к выходу из норы, тем упорнее было оказываемое им сопротивление. Бурядай уже ухитрился ухватить его за задние ноги, как тарбаган, зацепившись когтями, согнувшись коромыслом оперевшись при этом спиной, застопорился в норе, ни взад ни вперед.

И тут знал Бурядай, как себе помочь. Потянув за ноги, он затем слегка приопустил, предоставив тарбагану мнимую возможность забраться поглубже в нору, и в тот момент, когда тарбаган решил воспользоваться ею, вытянул его резким

рывком наружу. Следующее произошло очень быстро. Палкой, той самой, с крючком, по носу, готово.

Довольные удачной охотой, тронулись в обратный путь. Через полчаса Бурядай и его спутники достигли место их ночного бивака, занявшись безотлагательно приготовлением припозднившегося ужина. Уже скоро сизый едкий дымок от разгоравшегося аргала, потянулся полоской, пробираясь сквозь открытый дверной полог в юрту. Хорошо будет спать, мошкары не будет, мелькнуло в сознании Бурядая, занимающегося разделкой тарбаганьей тушки.

Длинный летний день катился под скатку⁴². Пурпурно-красный диск солнца исчезал в сиреновом мареве, колышущемся кисейным покрывалом над разморенной зноем степью. Вечерняя заря-заряница окрасила каравайцы сливающихся с горизонтом сопок румяной поджаристой корочкой, напоминая о желанном ужине. Проголодавшиеся за день Степа и Прошка следили за ловкими движениями рук Бурядая. В мгновенье ока один из тарбаганов был выпотрошен. Насадив печень и сердце на ружейный шомпол

---

⁴² Под скатку (катиться) — заканчиваться (день), перемещаться вниз по склону (какой-либо предмет).

берданы, Бурядай протянул его Прошке.

— Жарь пока осердие, хучь первую со Степой охотку собьете ⁴³. Тарбаган-то еще не скоро сжарится.

Второго приглашения мальчишкам не потребовалось. Не прошло и четверти часа, как сжарившееся мясо было чистенько обглодано и блестящий от вытопившегося тарбаганьего жира шомпол был водружен на место.

Нох-нох тоже не терял времени даром. Бурядай и не заметил, как тот, руководствуясь принципом собачьей солидарности оттащил в сторону второго тарбагана, верно решив, что хозяину и его малолетним друзьям хватит и одного. Бурядай лишь только покачал головой. Как завел себе Дульсинею из соседнего бурятского улуса, став главой собачьего семейства, словно подменили. Одним словом — отец.

— Ну иди, иди уже, ждет ведь, — обратился к псу усмехающийся в усы Бурядай. Нох-нох вильнул благодарно хвостом, и взяв в зубы тарбагана, отбыл восвояси.

Ох и пройдоха же этот Нох-нох, носящий столь странную собачью кличку. Как крикнет,

---

⁴³ Сбить охотку — утолить первый острый голод (или желание, чаще всего на что-либо съестное)

подзывая его Бурядай, «Noch, noch!⁴⁴» можно подумать, что загулявший пруссак или баварец заказывает кельнеру очередную кружку такого вкусного немецкого пива.

На самом деле ларчик открывался совсем иначе. В бурятских улусах Прибайкалья вплоть до начала XX века животным не давали кличек, исключение составляли лошади, занимающие особое место в жизни кочевников. Буряты называли их по масти и возрасту, например: *Донон-Хэер* — четырехлетний гнедой скакун.

Владельцы животных пользовались различными подзывными словами. Так например, кошек подзывали — пш-пш, коров — о-о-о, а собак — нох-нох (от бурят, *нохой* «собака»). Так что «noch — нох», никакой это ни озорной гуляка на берегах благословенного Рейна, а самый что ни на есть трезвый барбоска, имевший счастье родиться там, где дует ветер Баргузин с не менее благословенного Байкала.

Всякое правило, как это водится, имеет свои исключения. Были они и при наделении кличками. Так, например некоторые охотничьи собаки звались *Хэрмэшэ* (от бурят, *хэрмэ* — «белка» + *суфф.* — *шэ* .)

---

⁴⁴ Noch, noch! (нем) — еще, еще!

Решил и Бурядай оделить своего любимца отличающей от его собратьев кличкой. И хотя Нох-нох ловил одних лишь тарбаганов, назвал он его *Булгнанишэ* (от бурят. *булган* — соболь). Но Нох-нох похоже раскусил уловку своего доброго хозяина, и упорно игнорировал «*ясачный псевдоним*», пока Бурядай не сдался и стал его звать привычной слуху кличкой «Нох-нох». Так что прав был Аристотель, заметив «*Привычка- вторая натура*», действует она для нас и наших четвероногих друзей.

Между тем костер прогорел и положенные в него камни раскалились добела. Заморившие червячка дети ожили, выполняя очередное поручение деда Бурядая, ценившего житейскую мудрость «*безделье — родитель (вытворяемых) глупостей*».

Всю свою сознательную жизнь трудился Бурядай не покладая рук, не надеясь на помощь извне, не завидуя чужому благоденствию и мнимому счастью, не представляя себе, как можно жить, насыщаясь плодами, выращенными чужими руками. Претило ему такое, и этому учил он Степу и Прохора. Не было ему абсолютно никакой разницы, что один из них являлся внуком его лучшего друга, ставшего волей судьбы его хозяином, а другой являлся сыном извечного поденщика, имея несчастье родиться в бедной

семье, в какой вырос сам Бурядай, познав с малых лет горькую нужду, научившись ценить то небольшое, чем он владел.

Вот и сейчас пригодились собранные листья лука-мангира. Мелко порубленные, резко пахнущие листья мангира, растерли пацаны на плоском камне, смешав их с зернистой солью. Получившимся грязно-зеленым месивом натерли изнутри осмоленного на костре и выпотрошенного тарбагана, из которого Бурядай искусно удалил все кости. Степа и Прошка, отерев испачканные руки о штанишки, внимательно наблюдали за дедушкой. Бурядай выстелил выкопанную у костра ямку слоем травы, насыпал туда слой раскаленных камней и прикрыл их следующим слоем травы. После этого взял выпотрошенного тарбагана и подал его детям.

— Держите за ноги, да растягивайте пошире.

Набитого зашипевшими камнями тарбагана положили на приготовленное ложе, укрыв его слоем травы, снова раскаленных камней и в последнюю очередь засыпали горячей золой. Все, теперь можно и чаю попить. Пока горел костер да начиняли тарбагана луком-мангиром, настоялся и вскипевший зеленый чай. Щепотку соли в манерку. Жаль только, что без масла, постный.

То-же самое сказал Бурядай и о жарящемся тарбагане.

— Худоватый ишо. Но ничего, к осени жиру

нагуляет.

Сказанное естественно относилось к его более везучим собратьям, успевшим удрать с галерки.

За хлопотами по приготовлению ужина троица и не заметила, как сияющее расплавленным золотом тележное колесо солнца провалилось в пучину лежащей на степь покрывалом, по-южному темной ночи. Вечерняя заря полыхнула на западе прощальным багрянцем, окрасив снизу редкие облачка, рассыпавшиеся белоснежными барашками на темно-голубом бархате вечернего неба. Рожком пастушка засеребрился набирающий силу молодой месяц. Щедрая рука сеятеля разбросала по небосклону мерцающие звезды, и там, где сыпанула погуще, пролег светлой полосой Млечный путь. А в остывающей от дневного зноя траве, стрекочут без умолку неугомонные цикады, и откуда-то из глубины засыпающей степи вторит им перепелка, *«фить-пирю, фить-пирю»*, а сидящим у костра людям слышится, *«спать пора, спать пора»*.

Урчащий желудок Бурядая напевал однако несколько отличающуюся от оригинала мелодию — *«есть пора, есть пора»*. Оно было и немудрено, весь день не было во рту и маковой росинки, а «постный чай» без масла лишь только раззадорил аппетит. Попыхивая мерцающей светлячком трубкой-ганзой, он ощущал ладонью перемешанные

с землей угли костра, определяя готовность жаркого из тарбагана. Степа и Прошка не медля, в точности повторили его жест. Чтобы не делал дедушка Бурядай, были они тут как тут.

— Готово аба? Можно кушать?

— С часок подождать надобно.

Чтобы скоротать время до ужина, Бурядай решил рассказать детям несколько сказок, каких он знал великое множество. Первая сказка этого вечера называлась «*Баргу и Булагчин*⁴⁵». Бурядай прокашлялся от першившего в горле дыма, не от табака разумеется, а от затухающего костра, и начал рассказывать.

На той стороне Байкала, к Ангаре и Енисею, тысячу лет назад жило одно небольшое племя бурят. У них был свой вождь, прославленный охотник Булагчин. Всю жизнь он водил свое племя вокруг Байкала по крутым горам и гольцам, по таким трущобам, что теперь никакой человек не пролезет. У Булагчина был младший брат, звали его Баргу. Однажды все племя остановилось на

---

⁴⁵ Записано со слов С. В. Климова, 59 лет, рабочего судовой пос. Листвянка, родом из села Кадуй Нижнеудинского района Иркутской области, в 1936 г. / Легенды Байкала. irkipedia.ru

берегу напротив Ольхона.

— Аба, — перебил Бурядай Степа, — а кто такой Ольхон?

— Ольхон то, это остров посредине Байкала.

— И большой он? — не унимался малый.

— Ну как тебе сказать, — протянул Бурядай, не бывавший на Ольхоне, явно выигрывая время.

Он и на батюшке Байкале побывал всего-то один единственный раз, во время военной службы, сопровождая полковника Вострецова, искавшего излечения своей жены у одного бурятского шамана. В тот раз пробыли они неделю, проживая в верстах семи от священного озера. Несколько раз ездил Бурядай к озеру со своим другом Марком Нижегородцевым, восхищаясь каждый раз видом Байкала, то смиренным, аки божий агнец, стерегущий на зеркальной поверхности воды стада братцев-белоснежных облачков, то разгневанным великаном, гонящим крутые волны, разбивающиеся о крутой, скалистый берег. Навечно врезалось в сознание Бурядай первое свидание с озером. Его чарующая красота, нежащая глаз синева, сливающаяся с бездонным небом, обителью доброго бога, покровителя всех бурят и монголов Бурхана. Велик Байкал, не зря его величают священным морем. Ну а коли велик, то и быть большому острову, рассудил, не мудрствуя лукаво

Бурядай.

— Большой Степа остров Ольхон, — добавив для убедительности, — шибко большой.

— А ты знаешь про Байкал сказку? «Расскажешь нам?» — теперь спросил Прошка.

— Расскажу. Но сначала, эту до конца дослушайте.

Ну вот, сказал Баргу своему старшему брату.

— До каких пор мы будем лазить по валежнику и бурелому таежному? Давай выйдем в степь и там заживем спокойно.

Старший брат Булагчин осердился на слова младшего брата и сказал ему.

— Если не хочешь охотиться, то кочуй на Аларь и питайся там мышами. Степи скудные, ты пропадешь там с голоду. Баргу не послушался Булагчина, подговорил послушных себе людей и за неделю откочевал в степь. Степь в то время называлась аларью. Баргу развел скот, целые табуны коней, и зажил припеваючи. Булагчин не знал, как там в степи устроился его брат, сердце у него болело, и каялся он — зачем ему надо было угонять от себя брата. Через несколько лет, не имея никаких слухов о Баргу, Булагчин послал гонца в степи, чтобы разыскать брата. Когда гонец

вернулся, то рассказал, что аларцы ⁴⁶ живут в довольстве, ни в чем не нуждаются, что между народом его племени царят мир и благодать. Булагчин не поверил ушам своим и решил навестить брата. Не доехал он до брата один день езды и видит, что степь вся черным-черна от разного скота. «Видать, верно говорил гонец мой», — подумал Булагчин и начал объезжать стада. Целую неделю объезжал он табуны коней, гурты коров и овец. Всех не объехал, надоело ему трястись в седле, и направился он к юрте родного брата. Баргу его принял с честью и радостью. Посмотрев на богатство брата, Булагчин решил вывести своих охотников из тайги в степь. Он поселился недалеко от брата, племя которого к тому времени уже называли аларцами, племя Булагчина потом прозвалось булагатами ⁴⁷.

---

⁴⁶ Алары или аларские буряты — этнотерриториальная группа в составе бурятского этноса. В настоящее время основными районами расселения аларов являются Аларский (бурят. *Алайрай аймаг*) и Нукутский (бурят. *Нүхэдэй аймаг*) районы Иркутской области, входящих в состав Усть-Ордынского Бурятского округа.

⁴⁷ Булагаты (бурят. *Булагадууд*) — этническая группа (племя) в составе бурятского народа. Название племени происходит от бурятского слова «булган» — соболев. Предки булагатов являлись замечательными охотниками на соболей,

Рассказывая сказку о Булагчине, вспомнился невольно Бурядаю его четвероногий друг Нох-нох. Именно в честь благородного соболя, давшего название племени удачливых охотников-соболятников булагатов, решил назвать он его, но увы, не прижилось. Пора бы уже ему вернуться с побывки, только успел подумать Бурядай, как Нох-нох вынырнул из темноты ночи, как черт из табакерки. Легок на помине, или я сорочьи яйца ел, усмехнулся Бурядай, и потрепав пса за загривок, спросил.

— Ну как сбегал то, Расскажи нам. Обрадовались тарбагану?

Громкий лай Нох-ноха расколол ночную тишину, улетев испуганной птицей в спящую степь.

— Ладно, ладно, уймись ты, шалопут, просухарил полночи-то с девицей своей. Самому то хошь досталось, — при этих словах Бурядай пощупал отвисший живот ластящегося к нему пса, — ну иди спи ужо вечерошник непутевый, или вон ложись и слушай, про Байкал сказку то.

Нох-нох примостился у ног хозяина, широко зевнул и закрыв глаза, приготовился слушать.

шкурки которых высоко ценились, являясь таким образом источником благосостояния булагатов.

В старые времена могучий Байкал был веселым и добрым. Крепко любил он свою единственную дочь Ангару.

Красивее ее не было никого на всем белом свете.

Днем она светла — светлее неба, ночью темна — темнее тучи. И кто бы ни ехал мимо Ангары, все любовались ею, все славил ее. Даже перелетные птицы; гуси, лебеди, журавли спускались низко, но на воду садились редко говоря при этом.

— Разве можно светлое чернить?

Старик Байкал берег дочь пуще своего сердца.

Однажды, когда Байкал заснул, бросилась Ангара бежать к юноше Енисею.

Проснулся отец, всплеснул гневно волнами. Поднялась свирепая буря, зарыдали горы, попадали леса, почернело от горя небо, звери в страхе разбежались по всей земле, рыбы нырнули на самое дно, птицы унеслись к солнцу. Только ветер выл да бесновалось море-богатырь.

Могучий Байкал ударил по седой горе, отломил от нее скалу и бросил вслед убегающей дочери.

Скала упала на самое горло красавице. Взмолилась синеглазая Ангара, задыхаясь и рыдая, стала просить.

— Отец, я умираю от жажды, прости меня и дай мне хоть одну капельку воды...

Байкал гневно крикнул.

— Я могу дать только свои слезы!..

Сотни лет течет Ангара в Енисей водой-слезой, а седой и одинокий Байкал стал хмурым и страшным. Скалу, которую он бросил вслед дочери, назвали люди Шаманским камнем. Там приносились Байкалу богатые жертвы. Люди говорили: «Байкал разгневадается сорвет Шаманский камень, вода хлынет и зальет всю землю».

Только давно это было, теперь люди смелые и Байкала не боятся...

Пораженные бессердечьем Байкала, наказавшего родную дочь, дети притихли, размышляя над рассказанным. Аба Бурядай такого бы никогда не сделал, решили справедливо они. Жаль, что у него нет дочери, тогда мы могли бы быть и его внуками. Хотя нет, он нас и так зовет своими внучатами, добрый аба Бурядай.

— Ну что притихли батыры? Знаете, как появился тарбаган? Нет, ну слушайте.

В давние-давние времена жил здесь один богатый найон, который был отличным охотником. Ни в степи, ни в падах, ни в окрестных

горах ни один зверь ни мог укрыться от его верного глаза. Однажды этот богатый найон был приглашен на свадьбу, куда были приглашены много-много гостей, даже сам верховный небожитель Бурхан, был на этой свадьбе.

После того как найон подкутил, не мог он не похвалиться перед гостями своим умением стрелять без единого промаха. Никого я не боюсь на всем земном свете, любого уложу с одного выстрела, бахвалился хвастливый найон.

Долго терпел Бурхан, верховное божество всех бурят и тунгусов, нескончаемую болтовню кичливого задаваки, после чего сказал ему — умерь свой пыл, не хвастай, есть на белом свете существо, которое должны уважать и бояться все, живущие на этой земле, и перед которым он, самодовольный найон ничем не должен хвастать, и это существо, я, небожитель Бурхан, властелин мира.

Но найон не внял словам Бурхана и продолжил свой спор с богом. Тогда Бурхан осердившись, взмахнул рукой, и словно из ниоткуда появилась стремительная, словно выпущенная из лука стрела, ласточка. Вот тебе мое испытание, попробуй попади в нее, сказал Бурхан. Тогда ты сможешь говорить со мной на равных, если же ускользнет ласточка, накажу я тебя так, чтобы никому неповадно было говорить перечить богу.

Засмеялся ему в лицо найон, не испугавшись Бурхана, понадеясь на свою необыкновенную меткость, на твердую руку, не знающий промаха верный глаз.

Сгрудились гости, утихли, ждут чем же закончится спор Бурхана с найоном.

Найон же схватил свое не ведавшее промаха ружье, бросил его на сошки, сождал реющую ласточку, выстрелил и попал пулею ей по хвосту, выбив срединные хвостовые перья, так что хвост у ласточки сделался вилкой.

Бог осердился пуще прежнего, закричал на найона и наказал его так: «Будь же ты тарбаганом, живи только коротким летом, всю долгую зиму же спи, не наслаждайся жизнью и не пей воды». А ласточке повелел быть с раздвоенным хвостом, за то что она не сумела увернуться от пули.

Степа притих, что-то припоминая, обратившись затем к Бурядаю.

— Аба, а у тарбагана тоже губа двоенная. И еще он усатый, — здесь Степа хотел еще добавить, «как ты аба», но все же промолчал. Негоже то дедушку с тарбаганом сравнивать.

Бурядай усмехнулся. Гляди, заметил сорванец.

Степа не унимался, желая получить интересующий его ответ. Дед Бурядай он ведь все

знает, что ни спроси.

— Это ему Бурхан сделал, губу такую, да аба?

Но на этот раз не знал ответа и мудрый Бурядай. Как говорится, на всякого мудреца довольно простоты.

— Ладно *нуган үри* ⁴⁸, давайте-ка будем вытаскивать тарбагана из норы, а то кушать хочется.

А жаркое из тарбагана получилось — пальчики оближешь. Что и делали Бурядай, Степа и Прошка, поглощая тающее во рту сочное мясо.

На тревожащие сон запахи, или может сочные звуки трапезы, проснулся Нох-нох. Подняв лобастую голову, он втянул ноздрями аромат жареного мяса, перебиваемый запахом сгоревшей в жару шерсти тарбагана и поднявшись с ложа, поспешил отойти в сторону. Ну и запахок, скажу я вам, хоть святых выноси. Мнение его осталось неразделенным.

— Вкус-ня-ти-на! — проговорил по слогам Прошка, — попрошу дома мамку такое же сделать.

Бурядай лишь ухмыльнулся. Тебя мамка с этим сусликом поди и на порог не пустит.

Некоторые казаки из русских людей брезговали почему-то степным деликатесом,

---

⁴⁸ Нуган үри (бурят.) — сын, мужское потомство

предпочитая ему свинину или баранину. А где ты баранов на каждый день напасешься, а тут вот оно мясо тарбаганье с бутана тебе насвистывает, в котелок на тагане просится. Как похолодает десятка два тарбаганов еще добуду, всю зиму с мясом в ус дуть не буду, решил Бурядай.

Старожилы забайкальских степей каждую осень запасались впрок тарбаганиной, используя при этом различные методы охоты. Один из них, подходом, с обученной тарбаганьей собакой, был частично описан выше. Некоторые охотники прячутся за собакой, которая нарочно вертится выюном перед ним, отвлекая на себя внимание тарбагана.

А самые искусные умельцы скрадывают тарбаганов на открытых местах, без собаки и лошади⁴⁹. Заметив животное, они начинают к нему ползти, волоча за собой берданку, но не прямо, а повторяя уловки охотничьих собак, выделявая при этом уморительные проделки. Они то валяются на спине, перекатываясь с боку на бок, поднимают кверху то ноги, то руки, надевая на них шапчонку или шубенку, подкидывая ее другой раз даже

---

⁴⁹ При описании методов охоты на тарбагана использованы материалы книги А. Черкасова «Из записок сибирского охотника».

кверху, и с каждым новым трюком, подбираясь ближе и ближе к посвистывающему зрителю. Тарбаган очень любопытен, и стоя столбиком на бутане разглядывает проделки шутника-охотника, не зная, чем же закончится театральное представление. Хлопок выстрела, и любозная становится трофеем заезжего актера.

Другие охотники имитируют поведение диких зверей, скрадывая их на бутанах около их нор. Тарбаганы оставляют свои убежища, выходя на кормежку, ранним утром и поздним вечером. Хищники; волки и лисы, беркуты и тарбазины, притаившись за каким-нибудь укрытием, будь то камень или кустик, стерегут, когда тарбаган покинет нору. Стоит ему удалиться на несколько саженей, как они вихрем налетают на несчастное животное, убивая его на месте. Черные степные орлы-тарбазины хватают тарбаганов когтями и взмыв вверх, бросают добычу на землю, и падают следом на нее камнем вниз.

Охотники залегают в саженях десяти от выхода из норы, и обязательно за ветром, чтобы тарбаган не смог их учуять. Здесь нужно запастись терпением. Зачастую охотник лежит часами и возвращается к лагерю не солоно хлебавши. Хитрец-тарбаган, или же заметил его и спрятался, или вовсе решил в этот день посидеть в норе на диете из-за подскочившего холестерина. Но это

конечно же шутка.

Тарбаганье мясо ценится из-за высокого содержания жира. Поздней осенью, перед тем как тарбаган залегает в зимнюю спячку, треть его живого веса составляет жир, который так ценится кочевниками. Поэтому они очень редко жарят мясо над открытым огнем, справедливо считая такой способ приготовления пищи незначительным, потому что от сильного жара выкипает, сгорая в костре, почти весь жир, а им-то и дорожит кочевник.

Тарбаганов кстати готовили раньше и другим способом. *Очистив животное от внутренностей и шерсти, из нутра вынимают очень искусно все кости и вместо них начиняют обезображенный труп животного раскаленными камнями. Отверстие проворно зашивают и катают будущее жаркое по траве до тех пор, пока не испечется* ⁵⁰.

Весьма любопытно, что способ приготовления тарбагана в земляной яме удивительно напоминает пачаманку инков из Южной Америки, но о запеченной морской свинке знает полмира, а о живущем в даурских степях хитреце-тарбагане, почти никто. А жаль.

---

⁵⁰ Александр Черкасов, «Из записок сибирского охотника».

Мы еще вернемся к нему, старожилу Даурии, тарбагану, несколько позже, а пока, отлистнем несколько столетий назад, к тому времени, когда русские казаки-землепроходцы пришли на берега Аргуни и Онона.

Что привело их сюда? Ответ вмещается в одном единственном слове — серебро.

В XVII веке, как это ни странно звучит, в России не было собственных разведанных месторождений серебра, так необходимого для чеканки монет. Дело доходило до того, что царское правительство скупало иностранные монеты, нидерландские риксдаальдеры и немецкие талеры и перечеканивало их в российские ефимки. До ввода в обращение бумажных денег (этого синонима инфляции), рождением которых (812 г.), как и бумаги (105 г.) мы можем быть благодарны Поднебесной империи, России оставалось ждать еще сто лет (1768 г.).

Все сырье для изготовления серебряных монет, ювелирных изделий и посуды ввозилось в Россию из-за границы. Такое положение дел не могло ни в коем разе соответствовать интересам набирающего силу Российского государства и требовало решений для устранения возникшей зависимости.

Указом от 10 декабря 1719 года Петра I ввел горную реглацию и объявил, так называемую

«горную свободу», гласящую «Соизволяется всем и каждому, во всех местах, как на собственных, так и на чужих землях, искать, плавить, варить и чистить всякие металлы, минералы, земли и камня; если владелец не имеет сам охоты строить завод, то принужден будет терпеть, что другие в его землях руду и минералы искать, копать и переделывать будут, дабы благословение Божие под землю втуне не осталось. От рудокопных же заводов и прилежного устройства оных земля обогатится и процветет и пустые и бесплодные места многолюдством населятся».

С этого времени в России начались активные поиски и разработка собственных серебряных месторождений. Попытки разведать залежи серебра на Урале и северо-востоке России не принесли желаемого результата. По слухам, месторождения серебра имелись в «даурской земле», на реке Шилке. Эти слухи подстегивали сибирских воевод для дальнейшего поиска пути за Байкал к желанному серебру. Без устали снаряжали они новые и новые казачьи отряды, желая выслужиться перед царем.

Во время проведения экспедиций казаки, верные своей тактике, закладывали на стратегически важных местах, таких как устья рек, опорные пункты-остроги, продвигаясь года от года все ближе к заветному серебру, истинной цели их

походов. При этом казацкие отряды действовали одновременно из двух направлений, из Енисейского и Братского острогов они продвигались на восток, из Якутского острога, следуя берегом Витима, на юг.

Цель предпринимаемых экспедиций недвусмысленно изложена в наказе якутского воеводы *«чтобы, укрепясь в их стране, быть ближе к забайкальскому серебру»*. Под *«их страной»* подразумевались земли верхоленских и приангарских бурят.

Главными опорными пунктами для достижения поставленной цели служили Братский острог (основан в 1631 г.) со стороны Енисейска и Верхоленский острог (1640 г.) со стороны Якутска, положившие конец независимому существованию бурят⁵¹.

После основания Верхнеленского острога в устье р. Куленги, живущие там приангарские и верхнеленские буряты *«были очень стеснены и проявили большое напряжение для уничтожения оного»*.

Доведенные до отчаяния жестокостями и притеснениями местного управителя Ивана Похабова, приангарские и верхнеленские буряты,

---

⁵¹ Н.Н. Смирнов «Забайкальское казачество», 2008

убив казаков, разосланных Похабовым для сбора ясака, ушли к монголам.

Воевода Яков Тургенев, сменивший Похабова⁵², послал людей для сбора ясака вверх по Иркуту, Китой и Белой, но они никого из «*ясаиных людей*» не нашли.

Такие случаи насилия над бурятами, когда их обирали до нитки, и их ожесточенной ответной реакцией, с нападениями и сожжением острогов, были далеко не единичны. К 1660 году «подъясачная» территория севернее Байкала практически обезлюдела. Многие из бурятов, поняв невозможность устоять против русских, число которых возрастало год от года, перестали принимать участие в набегах на остроги и стали подумывать о том, как им избавиться от русских другим путем, переселением за Байкал, к монголам. Особенно сильно это движение началось с 1655 года⁵³.

---

⁵² Иван Похабов, после жалоб на него инородцев, был снят за злоупотребление властью, смог однако избежать суда, сбежав из-под стражи, во время ночевки у Шаманских порогах на Ангаре/История Сибири, часть первая, стр. 81, Санкт-Петербург, 1889 г.

⁵³ История Сибири, часть первая, стр. 75, Санкт-Петербург, 1889 г.

В 1660 году монголы забрали остальных бурятов, еще остававшихся в приангарских районах⁵⁴.

Показательны слова, какими российский исследователь Иоганн Эбергард Фишер ⁵⁵ охарактеризовал деятельность Ивана Похабова и ему подобных, во время завоевание Сибири: *«Когда бы имъ согласіе, разсудокъ и умеренность таковы жь были знаемы, как ограбленія, разореніе и смертоубійство, то могли бы они ожидать долговременного продолженія своего правительства»*⁵⁶

---

⁵⁴ История Сибири, часть первая, стр.202, Санкт-Петербург, 1889 г.

⁵⁵ Иоганн Эбергард Фишер (нем. *Johann Eberhard Fischer* ; 10.01.1697 — 13(24). 09.1771) — российский историк и археолог немецкого происхождения, академик Петербургской академии наук.

⁵⁶ Сибирская исторія съ самага открытія Сибири до завоеванія сей земли российскімъ оружіемъ. Соч. Иоганна Эбергарда Фишера. С.-Петербургъ. 1774 года. При Императорской Академіи Наукъ

Конечно, можно сказать — каково время, таковы и нравы, таковы и его герои. Но не стоит судить мерками нашего, далеко не идеального времени.

Двадцать пять лет боролись буряты и тунгусы за свою независимость. Напрасно. Бурятским и тунгусским князьям стало ясно, что, противостояние русским не принесет им желаемого результата — избавление от незваных пришельцев из-за Большого камня. Они ни покорились, а выбрали для себя более выгодный вариант, сулящий им, их родам, возможность остаться на земле их предков, обрета в лице русских сильного покровителя, способного защитить от порабощения монгольскими ханами, данниками которых являлись буряты и тунгусы многие сотни лет.

Монголы же, извлекли для себя урок — никогда не затевай драки с русскими. Себе дороже обойдется. Или как написано об этом в «Истории Сибири»:

«Продолжительные и ожесточенные враждебные действия русских против верхнеленских и ангарских бурят, завершившиеся выселением последних за Байкал, надо думать, много способствовали легкому захвату забайкальских земель. Самый факт переселения

бурят доказывал монголам силу русских, чем разумеется содействовал развитию в них желания избегать столкновений с русскими людьми, что и проявилось с первых же встреч монголов с русскими⁵⁷ ».

Все последующие годы между русскими и монголами не возникало крупных конфликтов, даже наоборот. Монгольские ханы, находившиеся под гнетом маньчжуров, были заинтересованы в установлении дипломатических и торговых связей с Россией. Они старались избегать серьезных столкновений с русскими и не препятствовали присоединению к России забайкальских бурят и тунгусов.

Буряты и тунгусы же, приняли верное решение, выбрав для себя из двух зол меньшее. В противоположность им, другой древний народ — енисейские кыргызы, являвшиеся злейшими врагами бурятов, предпочли бороться за свободу до конца, и в итоге, после ста лет войны с русскими, потеряли все, и были вынуждены откочевать в горы Тянь-Шаня, где кыргызы основали новое государство — сегодняшний Киргизстан.

---

⁵⁷ История Сибири, часть первая, стр. 78, Санкт-Петербург, 1889 г.